

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ**
(НИУ «БелГУ»)

СОЦИАЛЬНО-ТЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Кафедра культурологии и политологии

**КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КАК РЕСУРС РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ
(ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ)**

Магистерская диссертация студентки

**очной формы обучения
направления подготовки 51.04.01 Культурология
2 курса группы 87001015
Баранцевой Ирины Александровны**

Научный руководитель
профессор кафедры
культурологии
и политологии, канд.
философ.
наук, доцент; Туркина В. Г.

Рецензент
Д. филос. н, доцент кафедры
философии и истории науки
БГИИК, Калинина Г. Н.

БЕЛГОРОД 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Раздел I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРОЦЕССОВ НАСЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ.....	11
1.1. Понятие культурного наследия в историко-культурологическом измерении.....	11
1.2. Проблема ценностей и оценки культурного наследия.....	23
Раздел II. ИНТЕГРАЦИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В СОВРЕМЕННЫЙ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ РОССИИ.....	37
2.1. Культурное наследие в условиях социокультурных трансформаций российского общества.....	37
2.2. Культурное наследие как условие формирования самосознания россиянина: память и забвение	49
Раздел III. ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РОССИИ.....	63
3.1. Действие государственной политики в области сохранения культурного наследия России.....	63
3.2. Анализ общественных учреждений в охране культурного наследия России.....	75
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	87
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	92
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	104

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность изучения культурного наследия продиктована его особым положением в современной России: оно служит не только сохранению памяти прошлого, но и поддерживает целостность социальной общности. Являясь основой организации символического пространства, опорой национального самосознания россиян, культурное наследие России выступает важнейшим источником стратегического развития страны, транслятором традиций, норм и ценностей поколений, ресурсом конструирования российской идентичности. Помимо того, являясь социально и культурно-исторически значимой категорией, культурное наследие побуждает актуализировать свое изучение в связи с потребностью в изучении его роли в становлении идентичности общества, поддержании стабильного положения и сохранности культурного многообразия России.

В условиях трансформации российского общества, характеризующейся ускорением протекания всех социальных процессов, у индивидуальной памяти остается не так много места, отношение к культурному наследию неизбежно изменяется, в связи с чем актуализируется задача изучить эти изменения. Культурное наследие несет в себе положительный заряд для общества, в связи с чем возникает потребность в рассмотрении деятельности организаций, специализирующихся на сохранении культурного наследия РФ.

Степень разработанности проблемы. Круг суждений, связанных с культурным достоянием, отражает эволюцию мира исследования. Понятие «наследие» применялось в трудах таких авторов как С. Боэций, Т. Гоббс, Д. Дидро, Г. Гегель, Ф. Ницше, Ф. Энгельс, О. Шпенглер, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, А.И. Герцен, Н.Я. Данилевский, П.Б. Струве, В.С. Соловьев, И.А. Ильин, В.Н. Лосский, П.И. Новгородцев, В.В. Розанов, Ф.А. Степун, Н.С. Трубецкой, П.А. Флоренский, Г.В. Флоровский, С.Л. Франк, А.С. Хомяков, В.Ф. Эрн, Г.Г. Шпет, Л.И. Шестов, Б. Н. Чичерин, П.Я. Чаадаев. Культурные

основания понятия «традиция» прослеживаются в сочинениях Ф. Шлейермахера, В. Дильтея, Х. Гадамера, М. Хайдеггера, Г.Г. Шпета.

К приходу XX века зарубежные авторы начинают проявлять интерес к проблеме охраны культурного наследия: П. Клеменс, Г.Г. Дехь и М. Дворжак. К постмодернистскому направлению изучения культурного наследия относятся К. Уолш, П. Фоулер, Г. Эшворт и П. Ларкхэм, Р. Сэмюэл, Г. Клир, К. Линч, Д. Ловенталь, Р. Лэйтон, К. Холторф. Подвергали прошлое критическому осмыслению: М. Леоне, К. Тилли, М. Шанкс, Р. Бартес, Дж. Оруэл и др. Рассмотрению культурного наследия как товара (в экономическом плане) подвергали М. Драгилевич-Шешич, Дж. Карман, Г. Клир, В. Липе.

К рассмотрению вопросов о консервации и понимании культурного наследия как информационной составляющей России относятся исследования М.В. Ломоносова, Г.Ф. Миллера, В.Н. Татищева. Выявлением памятников прошлого интересовались такие ученые как И.П. Сахаров, И.М. Снегирев, А.А. Мартынов, А.Ф. Малиновский.

К ученым и живописцам, которые объектом своих интересов изображали культурное наследие были: А.С. Уваров, А.Б. Лобанов-Ростовский и др. Граф А.С. Уваров стал первым, кто организовал археологические съезды и подготовил план закона об охране памятников, в котором существовало две задачи охраны имущества: выявление, учет и организация каталогов памятников по России и пути сохранения и предотвращения от повреждений памятников старины.

Исследования А.М. Разгона показывают действие охраны российских древностей с XVIII века. После революции 1917 года ученые в рассмотрении проблемы культурного наследия по большому счету опирались на голые факты, а именно на результаты археологических находок. Высшими руководствующими инстанциями были: ГАИМК, ЦГРМ, крупные музеи. Историческому изучению и выявлению структуры культурного наследия соответствуют исследования Е.Н. Селезневой, М.А. Поляковой.

Ю.М. Ведениным, П.М. Шульгиным, Р.Ф. Туровским, В.П. Максаковским, Ю.Л. Мазуровым и др. был обозначен новый путь в изучении культурного наследия, а именно переосмыслению феномена наследия.

Таким образом, несмотря на значительный объем работ, недостаточность изученности проблемы культурного наследия России как в теоретическом, так и практическом плане обусловила необходимость проведения дальнейших исследований, что определило выбор темы, объекта и предмета, постановку цели и задач данного диссертационного исследования.

Цель диссертационного исследования: выявить и репрезентовать возможности развития культурного наследия с позиции ресурса российской цивилизации.

Для достижения поставленной цели в диссертационном исследовании автором были сформулированы следующие задачи:

- исследовать теоретико-методологические подходы к определению категории культурного наследия;
- обосновать ценностную значимость культурного наследия;
- рассмотреть культурное наследие в условиях социокультурных трансформаций системы российского общества;
- раскрыть культурное наследие как условие формирования самосознания россиянина;
- исследовать взаимодействие государства и общества в области сохранения культурного наследия России;
- проанализировать формы взаимодействия общественных учреждений и государственных институтов в сфере охраны культурного наследия России.

Объект диссертационного исследования – культурное наследие и коллективная память как часть национальной идентичности и ресурс ее конструирования.

Предмет диссертационного исследования – интеграция культурного наследия в пространство социокультурной памяти российской цивилизации.

Методы исследования. В диссертационном исследовании использовались такие методы как: анализ, синтез, обобщение, абстрагирование, аналогия. А также были задействованы общенаучные методы: описание, историко-сравнительный. Использование системного подхода в работе, способствовало целостному изучению объекта исследования.

В эмпирическую базу исследования вошли нормативные правовые акты Российской Федерации и ее субъектов, материалы Всероссийских съездов органов охраны культурного наследия, материалы практической деятельности общественных объединений в области охраны культурного наследия.

Основные положения диссертационного исследования, выносимые на защиту:

1. Культурное наследие – это подсистема культуры, описывающая и сохраняющая наиболее значимые ее моменты в культурной форме; обладающая положительным зарядом и основанная на опыте предшествующих поколений.

Оптимизация понятия «культурное наследие» происходит постепенно, связываясь с близкими ему понятиями. К ним относятся традиция и памятник. Традиция невещественна в отличие от памятника. Памятник является овеществленной частью культурного наследия. Традиция и памятник являются воплощением исторической информации, заключенной в объектах. И традиция, и памятник актуализируются в культурных формах, которые проходят отбор и укореняются или исключаются из бытия культуры.

2. Каждая историческая эпоха определяет свои ценности и, соответственно, объекты, эти ценности воплощающие. Культурное наследие начинает осознаваться с позиции ценности, что проявляется в соответствующей оценочной практике. Значимость и оценка объекта культурного наследия изменяется в зависимости от ценностей, признанных эталонными в тот или иной исторический период.

3. Культурное наследие является важнейшим национальным ресурсом, обладающим функцией поддержания стабильности и постоянства процесса общественной регуляции. Оно является фактором формирования самосознания россиянина, особенно важным в период социальной и политической трансформации российского общества. Измененные потребности общества в совокупности с ценностным отчуждением приводят к процессам «забвения» и «утраты памяти».

4. Охрана историко культурного наследия является одной из важных и сложных задач, стоящих перед российским государством, поскольку речь идет о защите духовного и материального богатства, национального достояния, залога будущего успешного развития России. Государственная охрана культурного наследия является выражением заботы государства о бесконфликтном, поступательном развитии общества. Основопологающим принципом государственно–правовой охраны культурного наследия России является системность.

Научная новизна исследования.

1. Проанализировано возникновение понятия «культурное наследие».
2. Обосновано, что критерием отбора объектов культурного наследия является их ценность, которая подвергается переосмыслению в разные временные периоды.
3. Рассмотрено становление российского культурного наследия в историческом аспекте.
4. Показана роль культурного наследия в сохранении общественной регуляции и самоидентификации.
5. Выявлены реальные действия государственной политики в области сохранения культурного наследия России
6. Выявлены конкретная роль, функции и проблемы общественных учреждений в охране культурного наследия России

Теоретическая значимость исследования. В данной работе произведено изучение культурного наследия и его воздействия на российское общество,

выведены главные понятия выступающие подспорьем в рассмотрении проблемы сохранения социокультурной памяти. Заключительные выводы диссертационного исследования могут быть использованы в качестве теоретического материала последующих научных изысканий.

Практическая значимость исследования. Прилагающийся к диссертационному исследованию учебно-методический комплекс может выступать в качестве лекционного материала для преподавания в широкой области наук: музеологии, культурологии, социологии, политологии, а так же в науках, тематика которых затрагивает вопросы о культурном наследии и его сохранении. Выводы работы возможно применить на практике музейной и муниципально-культурной деятельности.

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты диссертационного исследования обсуждались на III Международной научной конференции «Культура. Политика. Понимание. (Война и мир: 20-21 вв. – уроки прошлого или вызовы будущего)», (г. Белгород, 2015), доклад «Феномен культурной памяти: от забвения к мемориализации»; на Межрегиональной научно-практической конференции «Интеграция как базовый фактор создания и развития социокультурного пространства города» (г. Белгород, 2015), доклад «Феномен культурного наследия в философско-культурологической традиции».

Работа была обсуждена на заседании кафедры культурологии и политологии, социально-теологического факультета (НИУ «БелГУ»).

Публикации. Основные положения диссертации опубликованы в 4 научных работах автора, объемом 0,75 п. л., из них 1 статья в издании, списка РИНЦ.

Структура и объем диссертации. Структура, логическое построение и последовательность изложения материала в диссертационной работе определены целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и библиографического списка, состоящего

из 130 источников. Общий объем диссертационной работы составляет 111 страниц.

Во введении раскрыты актуальность темы диссертационной работы и степень изученности проблемы; определены цель, задачи, объект и предмет исследования; сформулированы научная новизна и практическая значимость результатов исследования.

В первой главе «Теоретико-методологические основания философско-культурологических исследований процессов наследования культуры» проанализировано возникновение понятия «культурное наследие», начиная с античности и заканчивая современностью. Были определены и близкие ему категории, такие как: наследство, традиции, памятник, благодаря чему культурное наследие рассмотрено как информационная подсистема культуры, обладающая положительным зарядом и основанная на опыте предшествующих поколений.

Основой культурного наследия был выявлен объект культурного наследия, обладающий ценностью. Понятийный аппарат и изученные классификации, дали возможность описать культурное наследие как междисциплинарную категорию. Исследование ценностно-оценочных категорий применительно к культурному наследию показывает, что человек как субъект ценности и культурного наследия оценивая объекты наследия, выполняет механизм отбора, что определяет необходимые рамки в разнообразии элементов системы для успешного ее функционирования.

Во второй главе «Интеграция культурного наследия в современный социокультурный контекст России» в развитии культурного наследия на примере российской истории было рассмотрено три периода, уже ставшие традиционными (дореволюционный, советский и постсоветский), каждый из которых показал относительную стабильность, устойчивость системы культурного наследия. Переход от одного периода к другому был обусловлен внутренними и внешними процессами и определялся сменой ценностной парадигмы. Было проанализировано, что обращение к культурно-

исторической памяти, к прошлому опыту, к давно забытым событиям дают нам возможность более точно оценить, то время, в котором мы живем. Так последствием первой и второй мировой войны стало то что, бесчисленное количество семей осталось сиротами. Потеряв свою генеалогию, люди с удвоенной силой, стали ощущать острую нехватку своей идентичности. Однако тот факт, что изменения, происходящие в мире на сегодняшний день, идут с невероятной скоростью, прошлый опыт зачастую воспринимается обществом как препятствие, мешающее молодому поколению.

В третьей главе «Проблема сохранения культурного наследия России» проведен анализ сложившейся ситуации в сфере охраны недвижимого наследия народов Российской Федерации. Отмечено, что система государственного регулирования имеет множество недостатков и нерешенных вопросов. Предложены необходимые меры по улучшению ситуации в области государственной политики по охране недвижимых объектов культурного наследия. Произведен анализ общественных учреждений в охране культурного наследия России. Выяснено, что законодательное ограничение вмешательства государства в деятельность общественных объединений, с одной стороны, лишает постоянной государственной поддержки крупных организаций, а с другой— предоставляет гражданам условия для самоорганизации и проявления гражданских инициатив в области сохранения культурного наследия. В условиях недостатка финансовых средств для осуществления практической деятельности по восстановлению культурного наследия было выяснено, что общественные организации реализуют потенциал в преимущественно научно-исследовательской, популяризационной и мониторинговой деятельности.

В заключении подведены итоги исследования, отражены основные результаты проведенной работы, сделаны соответствующие выводы.

I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРОЦЕССОВ НАСЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ

1.1. Понятие «культурное наследие» в историко-культурном измерении

Прежде всего, мы отметим, что при изучении такого глобального феномена, укорененного в истории мировой культуры, каким выступает «культурное наследие», необходимо определиться с его пониманием и трактовкой, представленной в русле имеющихся и актуальных теоретико-методологических подходов и интерпретаций. Равно как и прибегнуть к его этимологической составляющей, последив генезис данного понятия в культурно-исторических типах духовного производства.

Обратившись к понятию «наследие», мы увидим, что, как правило, в справочно-энциклопедической и научной литературе с данным термином тесно связывают схожее понятие «наследство», которое наиболее полно отражает собой форму собственности, способную подвергаться передачи по родственной связи. Как известно, уже в эпоху античности, в частности, при Цицероне, к наследству относили вещи, передающиеся после смерти, в руки тому, кто имел правонаследования (124, 62). Трансляция наследуемого имущества осуществлялась при помощи завещания (юридически задокументированное подтверждение передачи наследуемых объектов с обеих сторон: наследника и собственника). В эпоху Древнего Рима наследство передавалось по завещанию (124, 73). Разумеется, это значительно возвышало статус собственника, не только в общественных отношениях, но и в личностных. Иметь власть над супругой, содержать рабов, а также быть владельцем частной собственности в Риме имело далеко не последнее значение. Передача имущества сначала осуществлялось в хаотичном порядке, что порой до кровных родственников ничего не доходило. Позже юридически стало необходимо отмечать в завещании близких родственников в первую очередь.

Однако, иную картину мы можем наблюдать в средние века. Заметим, что в это время не существовало принципиальной разницы между понятиями «наследство» и «наследие», их воспринимали как одно и то же. Как писал С. Боэций: «Стремились захватить его наследие, каждый для своей выгоды...» (24, 156). Если собственник умирал, не успев оставить завещания, то по закону наследуемое имущество поровну делилось между детьми, старшего при этом не выделяли.

Постепенно понятие «наследие» начинало трактоваться более глубоко и включало в себя наследование человеком традиций, норм, правил и ценностей того общества, к которому он относился.

Далее, в философии Нового времени часто можно было проследить употребление термина «наследие»: Ф. Ницше писал: «...наследие всех философов и жрецов, которые изменили человечество» (82, 588). Применительно к суждениям об обществе, термин наследие так же играл немаловажную роль. Фундаментом благополучного общества является культурное прошлое, несущее в себе общие духовные ценности и традиции. Сам факт процесса передача наследства уже несет в себе скрытую обязанность, которую должен выполнять наследник. А именно сохранить и транслировать дальше то, что унаследовал. И это, как может показаться на первый взгляд, не так уж и легко сделать.

Представляется, что немаловажным аспектом является рассмотрение наследия с позиции нечеловеческой природы. В.В. Зеньковский рассуждал: «человечество есть падший ангел...отсюда в нас два противоположных течения, которые губят, отравляют нас своей борьбой – эгоизм, мрак – прямое наследие Люцифера, и любовь, свет, расширение – прямое наследие Бога» (40, 274). В свою очередь данное высказывание расширяет понятие наследие в его трактовке.

Иначе говоря, даже на основании небольшого обзора мы видим, что к категории «наследие» по-праву может относиться все, что нуждается в

сохранении, то что ценно и для прошлого поколения, и, тем более, для будущего.

Далее, в развитии вышеизложенной мысли, представляется интересным посмотреть на данную категорию с позиции мнений ряда философов и культурологов-классиков. Так, скажем, Н.Я. Данилевский пишет, что «...помимо имущества (материальный компонент) и наследственных характеристик (биологический компонент), наследие может быть рассмотрено как явление культуры, науки и искусства составляют драгоценное наследие, оставляемое после себя культурно-историческими типами...» (36, 108-109). «Воспроизведение конкретных опытов индивидуумов могло привести в конечном счете к ряду обобщений, которые, и являют собой традиции. В основании традиций будет лежать наш жизненный опыт», уточняет он (36, 218). Здесь традиция рассматривается в качестве ценнейшего и передающегося из поколения в поколение, то есть, преемственного духовного и культурного опыта, что, на наш взгляд, совершенно справедливо.

В принципе эту важную мысль предельно четко выразил классик немецкой философии Г. Гегель: «...то что мы представляем собою, мы обязаны своим существованием традиции, которая сохранила и передала нам все, что произвели предшествующие поколения» (33, 208). Так же и для И.Г. Гердера «традиция предстает своеобразным «базовым накопителем» и «транслятором» стандартизированного человеческого опыта (34, 63). Причем, особую роль он отводит письменной (равно как и устной, фольклорной) традиции, говоря о ней как о традиции «культурных текстов», – как о воплощении социально адекватной и приемлемой коммуникативно-нравственной модели поведения человека в конкретно-историческом типе общества.

Со своей стороны, Н. Бердяев, подчеркивая разнообразие и векторность концепта «традиция» обращал внимание на то, что она «... должна быть универсальной, и национальной, – тогда лишь она плодотворна для

культуры» (14, 28). В то же время противопоставлением традиции будет считаться новация, так как не несет в себе консервативного компонента, а направлена на изменения уже устоявшейся системы поведения в обществе. «Вся прошлая история нашей жизни, вся прошлая история человечества входит в наше настоящее и лишь в этом качестве может существовать (14, 285). В данном контексте важно сказать о связи традиции и новации (последняя понимается нами как механизм по генерации и воспроизводству и качественному обновлению традиции, что с необходимостью предполагает принципиально новое состояние на этапе современного развития общества и его культуры. При этом надо понимать, что истоки такого рода новаций, «новшеств» обязательно содержат в себе творческую субъективно-личностную составляющую и имеют объективно-историческую основу. Столь же важно осознавать, что «Гармоничные взаимодействия традиции и новации создают наиболее благоприятные условия для взлета коллективного и индивидуального творчества. Традиция-новация – дихотомия вечная и необходимая для полноценного функционирования культуры и культурного наследия, когда прекращаются исторические мутации, непредвиденное возникновение новых форм существования, тогда культура умирает, и остается один косный быт» (14, 93).

Примечательно, что на сегодняшний день сложилось по меньшей мере три достаточно разных подхода к трактованию традиции. Так, например, в работах Е. Шацкого представлены: во-первых, подход, названный функциональным, который позиционирует традицию как механизм передачи наследия. Согласно второму подходу, традиция трактуется под углом качественного отбора и передачи устоявшихся норм и правил к тому, какие именно традиции стоит передавать будущему поколению. А вот третий подход – «субъектный» (в терминологии автора концептуального подхода к пониманию традиции) акцент делает прежде всего, на отношения людей к своему прошлому (119). Становится ясным, что, в существе своем, традиция понимается достаточно широко: и как механизм преемственности ценного

опыта (функциональный подход), и как ценность, традируемая поколениям, и, наконец, как оценка субъектами пережитого духовного и культурного опыта (субъектный). Различаясь, так сказать, в нюансах, эти подходы к толкованию и трактовке категории «традиция» сходятся в существенном: она предстает как безусловной культурной ценностью, сохраняющей свой ценностный и культурный потенциал на протяжении жизни многих поколений, а шире – на протяжении всей культурной эволюции человечества. С этим вряд ли имеет смысл спорить.

Обратившись к исследованиям по данному вопросу к Э. Гуссерлю, мы увидим, что он разделяет, с одной стороны, так называемую «пассивную» и «активную» традиции. Причем под ней понимается некоторый «свод «правил» жизни и деятельности человека, деятельного субъекта истории. Гуссерль говорит, что по которому к рассмотрению традиции можно подойти с принципиально иной стороны, а именно вдохнуть в нее новое предназначение. Это способствует обновлению, развитию традиции и отражает ее активную позицию.

Итак, в качестве предварительного обобщения отметим, что, во-первых, различие в интерпретациях и определениях категории «традиция», наличие определенного рода разночтений ее трактовки прежде всего, призвано отразить (и отражает) универсальность данного культурно-исторического феномена. И, во-вторых, мы в нашей работе исходим из понимания традиции как не овеществленного компонента культурного наследия.

С учетом сказанного, логически напрашивается следующее пояснение в русле сопоставления категорий «традиция» и «памятник».

Сразу уточним, что данные понятия нередко смешиваются, не разграничиваются или же взаимозаменяются. Причем, не только в повседневном обиходе, но и зачастую в научно-исследовательской литературе. Однако, обратим внимание, что памятник (в отличие от традиции) относится к овеществленному компоненту наследия (и является

таковым). Он, будучи воплощенным в некоем историческом объекте, выступает носителем некоторой единицы информации (то есть кванта) и являет собой факт истории (или исторический факт) и в этом плане правомерно говорить, что буквально всякий объект культурного наследия, являясь памятником, представляет и олицетворяет собой опредмеченную историческую память на протяжении всей культурно-исторической эволюции человечества. Это культурный и ментальный базис, так сказать, «исторический архив» всех поколений живущих людей, который крайне важен для выработки ориентиров и культурных стратегий современного человечества. Сказанное нами напрямую затрагивает проблему отечественного культурного наследия, его сохранения и приумножения на стадии современности.

При этом надо сказать, что границы памятника в известной степени условны, аморфны и отчасти относительны. Сам культурный памятник может в своем ценностном значении для наших современников менять свою степень востребованности и актуальности. И это вполне понятно и закономерно. В самом деле, поскольку статусность того или иного культурного памятника образуется заключенной в нем информацией, постольку связи, в нем концентрированные, весьма различны. Отсюда создается реальность, когда на смену одним «кумирам» (памятникам) приходят, образно говоря, другие «кумиры» и «авторитеты». Особенно это касается жизни и бытийствования памятников в условиях специфики современной «постмодернистской культуры» с ее видеоклиповой реальностью, отсутствием стабильности, размытостью границ и «переоценкой ценности» (по Ницше). То есть мы хотим подчеркнуть, что такая ситуация в современной культуре порождает и пролонгирует различие в оценке места, роли и значимости одних памятников перед другими, с точки зрения их восприятия в «глазах» потомков, творческого преобразования и переработки унаследованных от предшествующих поколений ценностей.

Отсюда в известном плане возникает проблема разной трактовки идентичных фактов на разных стадиях истории и культуры и разных типов социальных и культурных практик. В свою очередь, культурное наследие порождает преемственность, то есть способность самовыражения культуры в иных временных рамках и в других общественных кругах. Оно (культурное наследие), выступая культурной формой, может проявляться в самых различных видах и вариациях. Скажем, осуществляться за счет детального повторения технологий прошлого (исполнение музыкальных произведений в определенных интерьерах на соответствующих этим эпохам музыкальных инструментах и пр.). Интересно, что нередко используемый объект (предмет) культурного наследия, изменяя свое предназначение, несет в себе исключительно символизм, напоминая людям о том прошлом времени, в котором использовали его в утилитарном плане. Однако, на наш взгляд, нужно понимать, что та или иная культурная форма обретает статус культурного наследия лишь после того, как сможет укорениться в культуре, и на данном основании стать традиционной и одновременно уникальной с позиции ценности (так называемая историческая селекция, то есть отбор, культурных форм).

Обращение к типологии подходов, описывающих методы и способы трансляции наследия, которые представлены в исследованиях Е. Шацкого, показывает, что они таковы: во-первых, это письменные источники (письменность) и наскальную живопись. (Б. Малиновский, М. Мосс и др.); и, во-вторых, это трансляция, имеющая место в социально-культурных общностях (от религиозной, или, скажем, до этнической и других групп (А. Грамши, М. Хальбвакс и др.).

Здесь целесообразен обзор и выделение главного отличия концептуально теоретических и методологических подходов к феномену культурного наследия. Суть в том, что современные теории объединяют собой по меньшей мере три направления (по В.Н. Лосскому) (69), в ряду которых: современная методологическая линия, развивающая точку зрения о

значимой роли маркетинга прошлого в западной индустрии развлечения (Фоулер, Г. Эшворт и П. Ларкхем, Р. Сэмюэл, Г. Клир, К. и др.); сюда примыкает так называемая «идеологическая гипотеза», в русле критического подхода к рефлексии прошлого, и сосредотачивающая внимание на «буржуазной мифологии человека», вписывающейся в более широкое поле буржуазно-капиталистической идеологии (К. Тилли, Р. Бартес, Дж. Оруэл и др.). Несколько отдельно стоит теоретическое направление, называемое товаризацией историко-культурного наследия, в рамках которой ее ведущие теоретики (Дж. Карман, Г. Клир, В. Липе и др.), где культурный ресурс идентифицируется с «товаром» в его стадийном прохождении, а человек, потребляющий данный «товар», (то есть культурное наследие) трактуется не иначе как «потребитель» культурной продукции. Заметим, что в данной теории в которой роль истории сводится к закреплению информации прошлого «на четком ее фиксационном моменте, в то время как наследие несет в себе другую функцию, удовлетворять потребность в культурной составляющей, в условиях быстро развивающегося общества» (25, 65).

Обращение к отечественной литературе по данной проблематике позволяет нам классифицировать и попытаться концептуально сгруппировать наиболее расхожие и утвердившиеся на сегодняшний день в гуманитаристике, трактовки и интерпретации концепта «культурное наследие». При том, конечно, что, по нашему мнению, общей платформой представленных позиций выступает скорее их взаимодополняемость, нежели противоречие друг другу и оппозиционность. Они в самом общем виде таковы: во-первых, понимание культурного наследия как культурно-исторического и ментального феномена, конституирующегося категорией «информация» (информационный сегмент) наследия; во-вторых, трактовка наследия и его роли как имущественно-правовой категории при акцентировании внимания преимущественно на анализе внутреннего состава; наконец, ресурс наследия трактуется (и рассматривается с этих позиций) с точки зрения его утилитарно-прагматического применения и употребления, в

том числе и в сфере экономических отношений того или иного общества (причем, с учетом перспектив развития социума) (25, 24-25).

Иначе говоря, как мы показали, ресурс культурного наследия всеми позициями признается и манифестируется как значимый и важный для всех культурно-исторических типов духовного производства, подчеркивается также и многоаспектность категории «культурное наследие».

Обращение к «Концепции культурного текста» Ю.М. Лотмана ориентирует на углубленную аналитику «наследия» как культурного текста в широком пространстве культуры (70, 54). Говорится о функциональности такого «культурного текста» (социально-культурная функция общения и адресанта, текст в его диалоге с читателем - как носитель культурной памяти, роль культурного текста как медиатора и т.д. (70, 58). То есть, акцент делается на культурном тексте, наделенном возможностью контекстного взаимоперехода, как важном носителем информации и генераторе культурных смыслов. Смысл наследия, следовательно, резюмируется в том, как именно оно характеризуется обществом здесь и сейчас, и насколько само общество нуждается в данном культурном ресурсе.

Исходя из позиции С.П. Мамонтова и его точки зрения (о которой пишет В.Г. Выжлецов) (30. 57), мы можем характеризовать культурное наследие как развивающееся во временном пространстве компонент культуры, поскольку он выявляет культурное наследие как «сохраняющуюся во времени совокупность общественных отношений, материальных и духовных ценностей прошлых эпох, подлежащих критическому осмыслению, совершенствованию и использованию в интересах поступательного развития человечества».

Заметим, точка зрения Э.Б. Баллера и А.И. Кравченко близка к пониманию наследия как трансформирующейся системы. Э.Б. Баллер о культурном наследии пишет, как о совокупности культурных ценностей, подлежащих «...развитию и использованию в контексте конкретно-исторических задач современности, в соответствии с критериями

социального изменения» (11, 56). А.И. Кравченко определяет наследие – как материальной и духовной культуры, обозначенной прошлыми поколениями, прошедшей испытание временем и транслирующейся следующим поколениям как очень ценное и незыблемое (59, 282). С ее точки зрения, культурным наследием становится то, что соответствует некому ценностному идеалу.

Особенно для нас интересна позиция по культурному наследию Д.С. Лихачева, который в проекте «Декларация прав культуры», определяет и обосновывает данный ресурс в качестве важнейшего инструмента и формы закрепления и трансляции «совокупного духовного опыта человечества» (67, 3). А.В. Любичанковский отмечал: в свою очередь, Н.Е. Кулешова под этим феноменом понимает «...общественно признанные материальные и духовные ценности, сохраняемые обществом для поддержания социальной и этнической идентичности и для передачи последующим поколениям» (71, 8). Ю. М. Веденин пишет о нем как о достоянии, самобытно и ярко отражающем культурные достижения той или иной нации, как «о совокупности (системе) материальных и интеллектуально-духовных ценностей, необходимых в целях сбережения культурного и природного генофонда Земли» (28, 98).

Итак, проведенная аналитика понимания и трактовки концепта «культурное наследие» позволяет нам говорить о том, что, во-первых, в большинстве случаев культурное наследие интерпретируют с позиции жизненного опыта прошлых лет, включая в рассмотрение духовную и материальную составляющую общества. Однако более полно жизнь общества, способны передать вещественные или устные объекты, значит информация, которая закодирована в таких объектах играет важную роль в интерпретации культурного наследия.

Во-вторых, данный концепт на стадии современности рассматривается как некая ценностно значимая «информационная подсистема культуры»,

операциональной единицей которого выступает обладающий безусловной ценностью объект наследия.

В-третьих, структура и классификация и культурного наследия обладает достаточной дифференцированностью, выстраиваясь на основании качественных индивидуальных характеристик. В ее основе лежат ряд существенных параметров, различающиеся по следующим принципам: - в зависимости от той или иной области/сферы деятельности (наука, техника, искусство и пр.) (например, классификация В.И. Иванова (43,72) и Н.В. Николаевой (83, 71-78); в связи с наукой, где наследие будет выступать источником знаний; в связи с задачами какого-либо поля деятельности; в связи с разделением объектов культурного наследия на движимые-недвижимые. Разумеется, данный ряд неполон, его можно продолжить. Отдельно заметим, что данная классификация (или типология) строго базируется на законодательстве по охране и сохранению объектов культурного наследия, представленного типическими видами объектов культурного наследия.

Примечательно, что по характеру использования объектов культурного наследия на сегодняшний день выделяют: целевого использования объекты - научного, культурно-просветительского, учебно-воспитательного целевого назначения; объекты, предназначенные для современного строго функционального назначения; также – объекты культуры, которые в какой-то мере являются рудиментами, то есть с позиции современного своего использования потерявшие меру своей актуальности и востребованности в условиях современной культуры.

Важно обратить внимание на классификацию культурного наследия с позиции географии культуры. Это так называемая «блочная классификация», в зависимости от видов самой культуры: экологическая, политическая, экономическая, художественная, естественнонаучная, этическая, правовая и другие направления культуры как целостной многоиерархичной и территориально организованной системы.

Так, по ходу наших рассуждений мы подошли к вычленению наиболее типических и главных подходов к феномену культурного наследия, в числе таковых назовем, прежде всего: генетический, экологический и географический. В основе этих подходов лежит представление о наследии как о фундаментальной категории, которая определяет возможность формирования самобытного, устойчивого и разнообразного культурно-ландшафтного пространства.

В самом общем виде классификация концептуальных подходов и трактовка культурного наследия в современной отечественной и западной литературе позволяет прийти к заключению о том, что: понятие «культурного наследия» представляет собой сложную и многоаспектную сферу - и как феномен, и как междисциплинарная категория.

Видимо, можно вполне согласиться с исследованиями, утверждающими, что в отношении компонентов наследия, действует такая схема, когда «вышедшее вышедшее из актуальности наследие не исчезает, наоборот, оно вступает в режим ожидания, консервации, чтобы в определенное время снова стать частью культуры» (71, 56-57). При том, что на фоне современной плюралистичной «постмодернистской» культуры нельзя все же забывать о диалектике пересмотра, отчасти критической переоценки и целостной философско-культурологической рефлексии понятия «культурное наследие», которое, обладая определенной структурой и «иерархией», разумеется, не теряет своей изначальной актуальности на стадии современных социокультурных реалий.

Таким образом, на основании изложенного мы выявили следующее: Во-первых, в существе своем концепт «культурное наследие», проходя стадии оптимизации, этимологически и содержательно имеет определенное сходство с родственными ему понятиями: «традиция» и «памятник». Причем, если первое из них (традиция) подразумевает невещественный культурных ресурс, то второе (памятник) выступает носителем, прежде всего, овеществленной части целостного культурного наследия.

Во-вторых, актуализируясь в культурных формах, которые в процессе своего генезиса (эволюции) проходят отбор и в несколько измененном виде укореняются (или, напротив, исключаются) из сферы базовой культуры, они («традиция» и «памятник») являются носителями и воплощением исторической информации, сконцентрированной в объектах культуры, олицетворяя собой «лицо», облик культуры.

С этих позиций феномен «культурного наследия» определяется нами в качестве важной подсистемы культуры, сохраняющей наиболее существенные ее моменты в культурной форме, обладая при этом мощным положительным импульсом. Основываясь на позитивно-культурном и духовном опыте предшествующих поколений культурное наследие в целом образует собой базовый ресурс культуры.

1.2. Проблема ценностей и оценки культурного наследия

Приступая к реализации основной задачи данного параграфа, состоящую в обосновании ценностной значимости культурного наследия, мы считаем необходимым сразу же обозначить следующее.

Уже во второй половине XIX и в XX в. в данная проблематика находилась в эпицентре исследовательского интереса не только отечественных мыслителей, но и активно дискутировалась видными западными теоретиками. Так, в русле культурно-рационалистического подхода в интерпретации истории культуры многие западные исследователи-классики» (особенно представители философской Баденской школы) основательно штудировали аксиологическую проблематику. Особенно преуспел в этом плане, ведущий представитель Баденской школы неокантианства Г. Риккерт (94). Он, исследуя аксиологический аспект истории, подчеркивал связь ценностной характеристики с субъектом.

Обратим внимание, что аксиологическая теория истории и культуры центрируется важным принципом, который достаточно известен и широко используется в современной культурологической науке. Нам представляется,

что без понимания этого ключевого принципа нельзя должным образом глубоко разобраться в чем состоит суть «проблемы ценностей» вообще и каким образом мы можем (и должны) к такому явлению, как «оценка культурного наследия» (в общемировом пространстве в целом, и в условиях сугубо нашей российской действительности». Поэтому сразу назовем данный принцип. Это так называемый «принцип отнесения к ценности». В свою очередь, «ценность» объединяет в себе понятия, образованные на «принципе ценности»

С точки зрения Г. Риккерта, культурное значение любого объекта основывается отнюдь не на том, что у него есть общего с другими объектами (94, 65). А на том, чем конкретно он отличается от них. Отсюда вытекает, что культурная (и всякая, заметим) действительность, изучаемая познающим субъектом, то есть, нами, с точки зрения ее отношения к культурным ценностям, обязательно должна рассматриваться и с позиции индивидуального, уникального, особенного. Эта мысль философа применима к пониманию такой глобальной и важной для культуры категории, как «культурное наследие», которое подлежит оценке и «оцениванию» настоящими и будущими поколениями людей, живущих в культуре. Г. Риккерт в цикле своих работ хорошо показывает, что культурное значение явления нередко тем значительнее, чем больше культурная ценность связана с его индивидуальным обликом: «только индивидуализирующее историческое рассмотрение будет действительно соответствовать данному культурному явлению», заключает он (94, 37). С точки зрения Риккерта, свою «историю», то есть свое единичное становление, имеет каждая вещь в мире.

Итак, «благодаря принципу отнесения к ценности мы можем отличать важное от незначительного» (94, 43-45) и применять этот подход в культуре. Сказанное, на наш имеет особую актуальность в рассмотрении проблемы культурного наследия и сохранения, традируемости культурной памяти.

Примечательно, что понятие «ценности» выдвинуто Г. Риккертом в труде «Науки о природе и науки о культуре» на первый план. А вот понятие

индивидуализации более четко связывается у него с понятием культуры как отнесенной к ценностям действительности. Таким образом, история в узком смысле в равной мере отлична как от индивидуализирующих наук о природе, оперирующих с индифферентной по отношению к ценностям индивидуальностью, так и от генерализирующих наук о культуре, сочетающих отнесение к ценности с установлением общих законов.

Необходимо отметить, что метод «отнесения к ценности», следует отделять от метода оценки. По Риккерт, оценивание не должно никогда входить в чисто историческое понимание действительности. А вот ценности играют в ней роль. Почему? На этот вопрос философ отвечает так. Прежде всего потому, что они (ценности) оцениваются человеком, субъектом и потому, что часть объектов культуры трактуются и рассматриваются фактически как блага. Отнесение к ценностям и оценкам не является идентичным, это не одно и то же (94, 61).

Дадим пояснение, сославшись на теорию ценностей Г. Риккерта: отнесение к ценности остается в области установления фактов, в то время как оценка входит в нее. При этом все индифферентное по отношению к ценностям, исключается как несуществующее. Это показывает, что для того, чтобы назвать тот или иной культурный объект значимым для ценностей, и актуализации культурных благ, еще не означает оценить его, так как оценка должна быть положительной или отрицательной в любом случае. Отнесение событий к руководящей культурной ценности выражает исключительно их историческую значимость. Поэтому один и тот же исторический факт, в зависимости от различной связи, в которой рассматривает его историк, приобретает различный акцент, в то время как объективная ценность его остается прежней. С разложением связи основных ценностных ориентаций, со стороны которых историк рассматривает свой объект, может варьироваться и «акцент», то есть значение объекта для различных отдельных историй.

Методологический принцип выбора существенного в истории так же и в вопросе о причинах исторических явлений находится в зависимости от ценностей, поскольку в истории во внимание берутся лишь индивидуальные причины, которые во всем их своеобразии являются значительными для реализации культурных благ. Таким образом, отбор того, какие именно действия исторически существенны, происходит в истории именно согласно точке зрения ценности.

Заметим, что другой западный философ Винденвальд, как пишет А. Ж. Кусжанова (62, 101) утверждал, что «каждый человек не просто выбирает ценности, а придает им различную значимость, то есть выстраивает их в определенной иерархической системе. Именно поэтому некоторые святыни сопровождают всю историю человечества и без них человечество не было бы тем, чем оно является» (62, 104). Эти ценности имеют статус всечеловеческого, являются вневременными, внеисторическими принципами, обуславливая собственно человеческое измерение культуры. Можно, следовательно, говорить о том, что, во-первых, понятия «ценность» и «оценка» теснейшим образом взаимодействуют друг с другом; во-вторых, «абсолютные ценности», имея всеобщую значимость для человечества, обуславливают общую целостность и единство, и системность культуры. И, в-третьих, как культурологические категории «ценность» и «оценка» («оценивание») они находятся в состоянии сопряжения взаимодействия, эффективно работая при исследовании проблемы культурного наследия.

Обращение к культурно-историческому генезису и эволюционированию ценностно-оценочных категорий в истории философской мысли выявляет наличие связи ценности и оценки, начиная с античной эпохи. Так, аксиологическая проблематика в предельно четком виде разрабатывалась афинским философом Сократом. Заметим, и «добродетель», и «мужество», и «красота» как ценности уже в античности были строго отделены от «поступков» и «вещей», наделенных данными качествами-характеристиками. Г.В. Выжлецов пишет: «... у всех ценностей

есть одно общее объединяющее их свойство-это целесообразность, благодаря чему ценности становятся идеальными (30, 17).

У Платона «благо» трактуется в качестве высшей ценности, а у Аристотеля дается иерархия «благ», у него уже налицо отделение ценности от сущности по их значимости. Он говорит, что каждая ценность в их иерархической системе есть благо. Он пишет, что красота и здоровье, честь и слава, богатство, дружба, даровитость, память, понятливость, смелливость, сама жизнь и справедливость, «...вот приблизительно все то, что люди согласны признавать благом. Что же касается благ спорных, то заключения относительно их нужно выводить на основании вышеупомянутых благ. Благо – то, противоположное чему есть зло, а также то, противоположное чему полезно врагам» (30, 76)

Средневековье утверждает свое понимание ценностей и блага, которое замыкается на категории «Абсолют» - «Бог» чем и определяются категории ценность и благо.

Нововременной период культуры делает кардинальный поворот в понимании этой категории и ее ценностного содержания. Так по Г.П. Выжлецову, произошел переход от небесного, религиозного понимания ценностей до форм воображения субъекта (30, 22). С приходом XIX века мнение по поводу ценностей улучшается. Эту заслугу приписывают И. Канту, так как в своих рассуждениях он рассматривал ценности в границах этики. Именно И. Кант определил принадлежность ценности к этическим наукам, а оценку к эстетическим. «Приятное для человека то, что доставляет удовольствие, прекрасное – то, что просто нравится, доброе – то, что ценится, одобряется, т.е. то, в чем видят объективную ценность» (45, 47). В философии для Шопенгауэра ценности представляли великую силу, так как они непосредственно помогают человеку раскрыть его смысл, а значит и понять этот мир. С этим мнением был схож С. Карьегор, который пытался раскрыть внутренние качества человека через призму ценностей.

Однако же начало подлинной революции как отмечает Г. Риккерт (94, 105-107) в сфере ценностной проблематики связано с наработками Марбургской и Баденской школами неокантианства, когда вводится в оборот категория «долженствование» и собственно «ценность». Причем, заметим, ценности находятся и над бытием, и по ту сторону объекта и субъекта, являясь, по сути, значимостью и долженствованием» (94, 106).

Сейчас, на стадии современности, в философии принято рассматривать ценности через призму отношений между субъектами, они становятся выражением, межсубъективных, именно «ценностных» отношений в самом широком смысле этого слова. Только человек формирует ход общественных событий, человек – это система мотивов, потребностей, желаний, способы удовлетворения которых избираются на основе заданных культурой форм жизни, деятельности, поведения, то есть, в конечном счете, ценностей. Культурное наследие – это также межсубъективный обмен ценностями. То есть ценностное отношение – межсубъектно.

На сегодняшний день сложилась определенная классификация по части разделения субъектов ценностей, в роли субъектов культурного наследия. Обратимся к исследованиям М.С. Кагана, который выделяет следующие субъекты ценностей: это и индивид в его уникальной специфике и в своей ролевой функции; и определенная группа(ы) людей по сфере их интересов (от семьи до коллектива ученых, деятелей искусства, литературы и прю), а коллектив ученых, театральная труппа и т.д.); и человечество в его единстве и целостности – так называемый «совокупный субъект»; и «частичный субъект» как часть «индивидуального субъекта» (46, 89). Разумеется, этот перечень себя не исчерпывает.

Напомним, что в документах ЮНЕСКО понятие «культурное наследие» соответствует концептам «культурная ценность», «культурное достояние» (109, 30). Так же в законодательстве Российской Федерации под культурными ценностями понимается широкий круг объектов и явлений, к ним относятся следующие: нравственные и эстетические идеалы; нормы и

образцы поведения; языки, диалекты и говоры; национальные традиции и обычаи; топонимы, фольклор, художественные промыслы и ремесла; произведения культуры и искусства; результаты и методы научных исследований культурной деятельности; имеющие историко-культурную значимость здания, сооружения, предметы и технологии; уникальные в историко-культурном отношении территории и объекты (109, 33).

По-видимому, очевидно, что под воздействием оценочной деятельности субъекта система культурного наследия обладает такими характеристиками, как: подвижность, динамика и известная трансформация. Отсюда совокупная ценностно-ориентационную деятельность всех субъектов выступает основополагающим механизмом осуществления ценностей. Причем, он, со своей стороны погружен в ситуацию зависимости от субъекта ценности и его оценки объекта культурного наследия и самой ценности, соответственно. В этом смысле В.В Мельник утверждает, что «каждая эпоха имеет свои ценности и объекты или явления, эти ценности воссоздающая» (75, 40). Человек выступает в данном случае как оценочный субъект. Любая ценность является и абсолютной, и относительной в зависимости от человека, от временного пространства, потому ценности функционируют в определенном историческом и социальном контексте (75, 49).

Особенность человека заключена в борьбе противоположностей, он одновременно стремится к гармонии и хаосу. По А.Я. Флиеру Культурное наследие выступает в данном случае как самоорганизующая система, а субъект и не только практически, но и сугубо символически миру некую условную понятийно-содержательную структуру и упорядочивает его (114, 130-131).

Интерес для него вызывают соображения отечественного мыслителя П. Сорокина. Так, он пишет, что Сорокин видел единство человечества, связанное с «взаимным движением друг к другу» (114, 56). Он обозначал это как взаимосвязь, имеющую психическую природу и реализующуюся в сознании индивидов. Источники динамики системы в дуализме: добро-зло,

созидание-разрушение, то есть в ценностях и их противоречиях. Конструктивная напряженность проходит сквозь человека, и это дает эмоциональный фон, так как каждое событие становится полем борьбы в душе личности, затем превращается в проблему, которая имеет разный исход: это может вызвать любовь, так и ненависть в человеке, решение либо сохранять, либо отрешиться от ценностей. (114, 145-146). Со своей стороны, известный отечественный синергетик Р.Р. Сакаев писал, что «...бесконтрольный рост разнообразия за границей некоторого оптимума снижает внутреннюю управляемость и эффективность динамической системы. Если бы разнообразие было безусловной ценностью (как подчас трактуют закон Эшби), то языку, например, не нужна бы была единая грамматика, школе – учителя словесности, а издательству – редакторы и корректоры ...» (98, 9).

Субъектом наследия в той или иной степени может являться любой представитель *homo sapiens* (114, 22). Субъект культурного наследия, способный оказывать влияние или воздействовать на формирование и развитие системы, должен иметь качества присущие личности. Система ценностей, по М.С. Кагану: «...навязана быть не может, ибо ценности, в отличие от знаний, личностны, а не безличны. Они постигаются не только умом, но непременно и теми силами человеческой психики, которые позволяют индивиду, вбирая определенное содержание культуры, становиться личностью, т.е. через переживание. А вбирать - значит выбирать, ибо ценности, в отличие от истин, всегда множественны и альтернативны» (46, 9). Поскольку «Жизнь любого общества реализуется через общественные организации, которые могут формироваться в связи с социальными нуждами, национальными потребностями, профессиональными интересами и т.д., постольку ...эти общественные организации концентрируют в себе знания и опыт людей. Жизнеспособность сферы охраны культурного наследия во многом зависит от уровня общественной инициативы» (46, 24).

Иначе говоря, всякая оценка культурного наследия связана с человеком как субъектом ценности и культурного наследия. То есть, всякая оценка культурного наследия субъективна в своей основе. Главное в том, что ценности носят не символический характер, а функциональный. Они тесно связаны с действительностью, где могут связываться с объектом и наделять его положительными характеристиками (46, 82).

Исследователи выделяют следующие «узкие места», трудности связанные с субъективностью оценки: во-первых, оценивают объекты культурного наследия люди с самым разным уровнем культуры, разными художественными пристрастиями, и на выходе естественно получают разную информацию об объекте наследия; во-вторых, восприятие искусства, которым часто является объект наследия, всегда остается творческим процессом и нередко не совпадает с намерениями творца

Оценка культурного наследия реализуется по ряду направлений (критериев). В их ряду назовем: эстетический и художественной, историко-мемориальный, утилитарный, образовательно-воспитательный и др. С позиции каждого критерия ценность «обладает исторической значимостью и информационным потенциалом». Здесь же заметим, что, существуя уже в XIX веке, историко-мемориальная ценность объекта культурного наследия была призвана наиболее полно отражать взаимосвязь истории с конкретным культурным памятником, резюмируя как форму, так и содержание объекта. Отсюда понятно, что, исходя из исторической значимости культурного наследия необходимо оптимально учитывать весь исторический комплекс данного наследия во всем его многообразии и уникальности особенных характеристик. Одновременно неизбежен процесс переоценки статусности, актуальности исторической роли и значимости отдельных «элементов», «частей» культурного наследия. Это, как правило, происходит под влиянием объективных процессов переосмысления конкретного культурно-исторического этапа истории и культуры. И это, как мы полагаем,

нормально. (Примерно это пережила античная культура в период темных веков до эпохи Возрождения).

В современную эпоху на первый план нередко выходит утилитарная ценность объекта наследия, удачно включаясь в контекст культуры постмодерна. Как отмечают специалисты, (по Г.В. Выжлецову) «... Овеществленные объекты используются в самых разных целях – музейных – объекты экспозиции, туристских - объекты экскурсионного показа, архитектурные объекты служат пристанищем для офисов, клиник, магазинов, т.е. для общественных утилитарных целей» (30, 151). И значимость этих явлений бесспорна. Однако же мы обязаны понимать, что такое понятие (и процесс) как «утилитарная ценность» не есть уничтожение ценности, наоборот, входя в жизнь субъекта, эта ценность будет рассматриваться с позиции незаменимой положительной значимости. В.С. Соловьев утверждает, что проблема здесь будет заключаться в том, что за утилитарностью часто стоит уникальность, которую недооценивают. И здесь большая роль возлагается на воспитание, на формирование культуры и готовности общества воспринимать (и принимать) и наследовать культуру ушедшего времени, одновременно подталкивая людей к сохранению культурного достояния (103, 76).

Сами же ценности можно трактовать с разных позиций: и как духовную категорию, и как категорию, воплощающую объекты, которые оцениваются с материальной позиции. Скажем, по Г. Гегелю любые вещи имеют ценность, здесь уместно их сравнение с товаром на рынке. Чем больше, ценность – тем эта вещь имеет для нас большее значение. Однако немаловажными критериями является свойства этой самой вещи и затрата ресурсов при ее возникновении (32, 45). Специалисты могут высоко оценивать культурный объект, однако не маловажным останется факт платы собственника этого объекта, когда эти две составляющие не совпадают, могут всплывать трудности в экономическом плане. Ведь существует

принципиальная разница между теми, кто охраняет культурный объект и теми, кто спонсирует эту самую охрану. (32, 91).

Французский исследователь А. Бурден считает (и, на наш взгляд, совершенно справедливо), что освоение культурного наследия и его вовлеченность в общество позволяют развиваться экономике и культуре в полной мере (25, 121). С его точки зрения, заинтересованность в экономических процессах способствует более эффективному освоению культурного наследия со стороны большинства населения, «...деятельность, направленная на защиту наследия, является поводом для развития специфического сектора экономики» (25, 195). При таком «экономическом» подходе культурное наследие выступает неким «продуктом», предполагающим своего «потребителя» культурной продукции. Из чего логически вытекает определенная прибыльная компенсация и «коммерческо-финансовый» результат (в духе теории «коммодификации»), обосновывающей финансово-прибыльную составляющую как важную «генетическую» часть культурного наследия. Это, с одной стороны.

А с другой стороны, в том случае, если подойти к практике освоения культурного наследия с точки зрения его понимания как «блага» (эта линия, как говорилось нами ранее, восходит к античной культуре и эпохе) данная категория на полном основании может быть причислена к феноменам, несоизмеримым с «чистой» утилитарностью и не в коей мере не сводится к таковой культурного наследия. Здесь в свои «законные права» вступает иная оценочная шкала и она, подчеркнем, весьма далека от сугубо рыночных экономических отношений.

Если же, скажем, попытаться осуществить некоторую систематизацию наиболее практикуемых в современной сфере культурного наследия практик и методик измерения его рыночной стоимости, то они в самом общем виде будут таковы: прежде всего, сюда входит метод (методика) вероятностной оценки, направленный на консервацию и сбережение нематериальных благ, связанных с тем или иным объектом

наследия. Это-во-первых. Во-вторых, достаточно активно сегодня практикуются методы, сопряженные с процессами инвестирования культуры и ее объектов. Они получили название «ударного исследования». В-третьих, к предыдущему методу примыкают рыночные методы, связанные с гедонистической теорией спроса в соответствии с запросами потребителя в отношении товара, которым выступает та или иная «культурная продукция» (гедонизм – удовольствие). Здесь потребителя интересует в первую очередь свойства товара (первичное), но не товар как таковой (он является вторичным по отношению к его непосредственным характеристикам и культурным параметрам). Наконец, следует назвать методы, к которым прибегают специалисты в целях массового охвата населения для выявления их мнения относительно финансовой составляющей по А. Бурдену: (расходов, инвестиций и пр. затрат) на сферу культуры, а точнее, на культурное наследие (25, 99). Сюда входят разного уровня мониторинги, референдумы и т.д.

Наверное, нельзя утверждать относительно совершенства описанных нами методик оценки культурного наследия. Однако, нужно согласиться: все вместе в своей комплексности и системности они выявляют важные для нас маркеры, позволяющие наиболее оптимально обозначить (и назвать) материальную стоимость культурного наследия.

Кроме того, отработанный на сегодня методический аппарат по части применения методов и методик является действенным механизмом, позволяющим отшлифовать решения, базирующиеся на финансовых принципах. Повторимся еще раз: в данном случае перед нами сугубо экономический подход, приравнивающий категорию «культурного наследия» к активам и «культурному капиталу», весьма прибыльному для вложения в него финансовых затрат и инвестиционных влияний. То есть, мы хотим сказать, что набирает обороты тенденция отношения и подхода к ресурсу культурного наследия именно как к специфическому культурному капиталу.

Заметим, эту тенденцию мы можем наблюдать все чаще в современной мировой культурной практике (в том числе, и в условиях России).

Из сказанного, наверное, понятно, почему и на каких основаниях модель «Культурное наследие – культурный капитал» связывается сегодня с категорией «долговременного достатка». Одновременно с этим получается, что мы сохраняем не только культурное наследие, но и культурный капитал. Именно идею по его сохранению мы должны донести нашим детям, привить в них потребность в бережном обращении к культурному наследию. А сделать эффективно это можно, показав личный пример, В.Г. Выжлецов пишет: «...непроявленность духовности на социальном уровне и есть главная причина и признак социокультурных кризисов» (30, 85). Нам всем необходимо становиться активными соучастниками процесса сохранения культурного наследия, а тем самым, и сбережения культурной памяти народа.

Если говорить о трудностях на пути формирования системы культурного наследия, «список» и багаж объектов которого, постоянно пополняется и расширяется, то они, с нашей точки зрения, предельно четко выражены О.А. Музыкой: «...ценности разделены по уровню в зависимости от совокупности субъекта, интересы которого они представляют, ценность присуща как субъекту, так и объекту; любая ценность находит свое место в двух аналоговых шкалах: с одной стороны, по силе и характеру отношений, что делает ее позитивной, негативной или нейтральной, а с другой – эволюционной, становясь превентивной или актуальной» (78). В самом деле, обладая уникальностью и неповторимостью, все культуры и каждая в отдельности, взятые в их национальном разнообразии и ментальной специфике, формируют широкий спектр объектов культурного наследия. Тем самым они способствуют актуализации культурных ценностей, выстраивая их достаточно гибкую (и подвижную) иерархию в обществе и его культуре, невзирая ни какие катаклизмы. При этом бытие ценности нельзя отделить от оценки объектов культурного наследия.

Таким образом, в целом мы постарались показать не только универсальность культурно-исторического процесса выработки и установки тех или иных ценностей и объектов, эти ценности воплощающих. Но и обосновать тезис об исторической изменчивости, подвижности категории «оценки» культурного наследия и – в зависимости от идеалов и ценностей, взятых за эталон и признанных таковым на конкретном этапе истории мировой культуры.

II. ИНТЕГРАЦИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В СОВРЕМЕННЫЙ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ РОССИИ

2.1 Культурное наследие в условиях социокультурных трансформаций российского общества

В русле данного параграфа мы предполагаем проанализировать феномен культурного наследия на общем фоне социокультурных трансформаций системы российского общества и обосновать его значение в качестве актуального ресурса конструирования культурной памяти, преломив данную проблематику на условия российской практики.

Такая необходимость продиктована в значительной мере, прежде всего, современными социокультурными реалиями в обществе и его культуре на сегодняшнем, кризисном, витке его эволюционирования.

Кроме того, мы обоснуем один из ведущих тезисов параграфа. Он таков. Если специфика дореволюционного этапа генезиса культурного наследия состоит в выработке основных критериев определения ценности культурного памятника (историко-информационная значимость наследия), то на сегодняшний день можно говорить о культурном наследии как о целостной системе. Отдельным вопросом является состояние культурного наследия начального (советского) этапа его развития, когда из культурного наследия «выпадали» и изымались (как правило, по идеологическим причинам) целые пласты национального богатства дореволюционного периода российской истории. Негативным Результатом такого «отбора» стала трансформация ценностного сознания «советского человека», инверсия идеалов, а, в конечном счете, утрата коллективной исторической памяти поколений и деструкция (разрушение) ценностной основы отечественного культурного наследия.

Как показывает практика, такое многогранное, восходящее к «зарю» истории человечества, подвижное явление как феномен культурного

наследия, подвержено качественным трансформациям. Согласимся с Н.Н. Моисеевым, который говорит о том, что накопление и трансляция багажа знаний и информации об окружающем мире, постепенное понимание ценности такого «знаниевого ресурса», осуществлялось человеком из поколения в поколение и «... надо было уметь передавать дальше, в настоящее и донести до будущего, так как это определяло дальнейшую участь общины (или орды), и всей популяции. (77, 123). Несколько позднее (с пониманием важности сбережения и приумножения объектов культуры) возникает практика (в том числе и регламентировано-государственная), направленная на сохранение культурного наследия как национального достояния (как на российском, так и на мировом уровнях)

В современной специализированной литературе принято выделять основные этапы (дореволюционный – советский – постсоветский) становления и развития системы культурного наследия в ее ведущих характеристиках. Это: относительная стабильность и устойчивость системы культурного наследия как сложившейся системы. Вполне объяснимо, что смена этапов (их мы назвали три) и приведенная периодизация с ними связанная, была обусловлена комплексом причин, а также определенной ценностной парадигмой, определявшей на каждом из трех периодов «идеологию и политику в отношении культурного наследия. Разумеется, при смене этих периодов рушится, или «дает трещины» вся прежняя система ценностей: «... прежняя устоявшаяся иерархическая система ценностей рассыпается, превращается в хаос. Ценности как бы перебираются, пересматриваются» (77).

Последим логику основных исторических этапов становления института «культурное наследие». Так, первый этап по Н.Н. Моисееву принято связывать с накопительной работой по формированию базиса культурного наследия культурного наследия. Например, согласно историческим источникам, в России начальным проявлением сохранения культурного наследия условно можно считать сосредоточение в XVI-XVII вв.

В Государевых палатах старинного оружия, а в Оружейной, Царициной и Мастерской – доспехов, изделий выдающихся мастеров, православных святынь».

Второй период (от XVIII в.) – фиксационный», отличающийся становлением специализированных государственных институтов (структур) в сфере «описания», «учета» и других процедур в сфере культурного наследия: появление законодательных, общественных инициатив в области сохранения культурного наследия, рождение культурной политики и др. Заметим, на этом этапе возникает потребность в переосмыслении неотъемлемости в консервации достояния прошлого, обладающего большим информационным стержнем. Можно сказать, события, изменяющие общество, порождают общие и частные культурные изменения, тем самым они изменяют и восприятие культурного наследия (77, 56-59).

Согласно исследованиям М.А. Поляковой, «изменения в России связаны с увеличением государственных границ и изучением открываемых территорий, победоносная Северная война и соответственно – возвышение славы русского оружия и флота, формирование в общественном сознании идеи непобедимости и исключительности Российского государства, – все это, безусловно, было связано с политической «сакрализацией» личностей императоров и полководцев и, в конечном счете, всех, кто олицетворял собой национальную самобытность (ученых, поэтов и писателей)» (89, 18). Закономерным и позитивным результатом данных процессов стало формирование субъекта культурного наследия.

Иначе говоря, начиная с периода XVIII в. начинает свой отсчет новая качественная составляющая системы культурного наследия – она (по своему характеру) приобретает вид сознательной деятельности субъекта, что благотворным образом сказывается на последующей эволюции системы наследия.

Здесь отдельной строкой отметим государственную деятельность императора Петра Первого, с именем которого по-праву связывается

политика комплексной инвентаризации раритетов российского государства. (Многочисленные «Петровские указы» этого периода наглядно отражали данные процессы в сфере к отечественного культурного наследия). Особенно зримо культурная политика Петра Первого коснулась археологического наследия, «зело старых» вещей, реставрации, фиксации памятников, учреждения первых публичных музеев и т.д. Хотя отсутствие критериальной исследовательской (тем более научной) базы оценивания объектов культурного наследия значительно затрудняло проводимую работу, а то и тормозило ее.

Как отмечает М.А. Полякова, рост интереса к самобытной уникальности России не мог не привести (и активизировать) процессы развития традиционного направления (элемента) культурного наследия. А складывавшаяся нормативно-правовая база, развитие системы оценки объектов наследия, формирование субъекта наследия» (89, 76-78), придавали стабилизацию, упорядочивание и определенность в работе всей системы по изучению, формированию и развитию наследия прошлого.

Институты культурного наследия продолжают формироваться в XIX столетии, затрагивая непосредственно всю область государственной культурной политики. Здесь налицо ряд новшеств, в ряду которых, например, «изменения, появляются циркуляры и указы, предписывающие консервировать остатки старины и древних памятников, а также доставлять сведения «об оных» (89, 81-83). Особо отметим факт рождения первого Реестра древних отечественных памятников, куда включаются списком культурные объекты имеющие культурное значение. Интересно, что в 1869 году граф Уваров утверждает наметки первого закона об охране памятников культурного значения. В документе была представлена групповая дифференциация объектов культурного характера.

Документ неоднократно изменялся, но сам закон так и не вступил в силу. Свой существенный вклад (причем государственной значимости) в

данный документ внесло Российское археологическое общество¹, Министерство народного просвещения, Министерство внутренних дел, военное министерство. А также Святейший синод.

Так мы подошли к периоду XX века. Он был открыт углубленным подходом к изучению культурного наследия, проектом положения «Об охране древностей» (государственная система сохранения памятников прошлого (однако, к сожалению, он не вступил в силу). Были многочисленные предприняты попытки узаконить деятельность по сохранению культурного наследия, но не одна из этих попыток так и не увенчалась успехом (89, 40).

Заметим, со своей стороны пресса освещала данную проблемную область (выпуск серий заметок на тему охраны памятников). Как отмечают специалисты, «важнейшим источником, характеризовавшим отношение общества к проблемам охраны памятников старины, стала архитектурная периодика» (89, 45). На злободневную тему сохранения культурного наследия посвящал серию своих материалов русский философ Н.Ф. Федоров: «Варвары, скифы разрушали памятники чужие, берегли свои; варвары нынешнего времени не понимают этого». Однако наше общество создало палеонтологию и столь многое сделала в области археологии, если она настойчиво отыскивает памятники прошлого и бережно консервирует их, писал философ (110, 144-145). Заметим: до 1917 года было создано 29 изданий, на страницах которых дискутировалась данная актуальная проблематика.

Процессы трансформации системы культурного наследия разворачивались на фоне всего периода XIX – нач. XX вв., что конкретно выражалось в следующих преобразованиях:

– становление археологии как науки;

¹ Следует особо отметить и положительные моменты в обществе, а именно: укоренение в обществе и словарном обиходе понятия «памятник» и «памятникосохранение».

- фиксация понятия «памятник древности» (объект культуры возрастом не менее 150 лет) и расширенное толкование понятия «памятник древности»; классификация и кодификация древностей (памятники зодчества и археологические объекты);
- рождение понятия «Теория «русского стиля» и сети реставрационных школ (Грабарь И.Э., Султанов Н.В., Суслов В.В. и др),
- публичное и печатное обсуждение проблемы охраны памятников в издательствах («Старые годы», «Столица и усадьба» и др. журналы).
- укрепление системы наказаний меры за незаконное перемещение, изменение облика и разрушение объектов культуры (арест до 4 месяцев и ремонт объекта за свои деньги); памятника (заключение под стражу от одного до четырех месяцев и восстановление объекта за свой счет).
- учреждение системы общественных организаций с миссией консервации объектов культурного наследия (Общество истории и древностей российских при Московском университете, Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете, Одесское общество истории и древностей, Императорское Русское археологическое общество, Московское археологическое общество, Московское архитектурное общество и др.).

Разумеется, данный перечень нововведений себя далеко не исчерпывает – он лишь дает нам достаточно зримую картину мероприятий государства в сфере культурного наследия.

То есть, именно первая половина XX века представила перед обществом оформившуюся систему культурного наследия с иерархией структурных элементов (памятник – традиция – культурный ландшафт – субъект).

Далее, как отмечает О.Н. Астафьев в условиях известных революционных потрясений происходит разрушение «старой» и становление качественно трансформированной – «новой» системы культурного наследия, с последующим переходом к новой системе ценностей. Это было время инициирования новых культурных форм, время адаптации к разного рода

новациям и преобразованиям, время инициатив и проявления социокультурного искусства (9).

Если говорить о так называемом «постреволюционном этапе», то эволюция системы культурного наследия шла по трагическому пути «потери информации о прошлом культуры, а в целом – утраты памяти» системой культурного наследия. эта «тема» стала все больше идеологизироваться и политизироваться. При этом не учитывалось, что «... след от всего прошедшего скрыт в сложных эволюционных структурах как некий незаметный, всецело релаксированный фон». Напомним, что «благодаря «Декрету о земле», принятом в 1917 году, купцов и помещиков переходило в руки волостей. Это привело к массовому разграблению и уничтожению усадебных комплексов. Далее были выпущена серия подзаконных актов по национализации дворцов и особняков².

Характерно что, негативные процессы «забвения (потери) памяти» памяти проходили на общем и довольно широком фоне уничтожения объектов культурного наследия и радикальной трансформации их собственно исторических функций и назначения, что опять-таки способствовало модификации, изменению ценностных идеалов. Как итог – «В обществе активизируются процессы выстраивания новой иерархии ценностей, которые на ранних стадиях не выполняют в полной мере своих интеграционных функций» (9).

С учетом сказанного можно говорить, что совсем не случайно трагический для нашей российской истории период 20-х - 30-х гг. XX столетия вошел в «летопись» отечественной культуры (и культурного наследия тоже) как кульминационный этап по тотальному, бессмысленному и, на наш взгляд, ничем себя не оправдывающему разрушению базы

² Это Декрет «Об отмене права частной собственности на недвижимость в городах» от 20 августа 1918 г.), изъятию церковных ценностей и уничтожению церковной собственности (Декрет «О свободе совести, церковных и религиозных обществ» от 20 января 1918 года) (61).

культурного наследия, которое переводилось «на финансовые рельсы» хозрасчета и самоокупаемости, что, как отмечают специалисты, минимизировало «объем ремонтно-реставрационных работ, а также привело многие музеи к закрытию» (61, 29-35). Так, например, в инструкции к Декрету «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы» от 7 января 1924 года выделялось несколько категорий памятников в зависимости, прежде всего, от их утилизационного характера: В их ряду назовем лишь несколько «типов» (памятники искусства и истории, которые могут функционировать в практических целях (крепостные стены, триумфальные арки, мосты, фонтаны); – памятники, хорошо сохранившие свою форму и первоначальный вид, которые можно было сдавать в аренду) – памятники, «работающие» в научных и музейно-показательных целях и пр.

Далее составленные списки, подвергались изменениям в сторону количественного уменьшения культурных объектов и музеев, имеющих государственную значимость. Как раз-таки, начиная с данного отрезка времени имевшие затруднение с финансовой частью музеи выходили из данной ситуации за счет собственной «арендаторской политики» (сдавали площади в аренду)

«С 1924 года, согласно Декрету «О выделении и реализации госфондового имущества» музеи через антикварные магазины и аукционы получили право продавать музейные ценности. Так называемые «сталинские распродажи» в конце 1920-х – начале 1930-х годов приобрели огромные масштабы, продажа предметов старины рассматривалась как необходимый источник развития социалистического строительства. В справочнике «Внешняя торговля Союза Советских Социалистических Республик за период 1918–1927/28 гг.» были отмечены две статьи дохода: «картины и гравюры» и «предметы искусства и старины». Пик вывоза предметов искусства приходится на 1930-е годы, после этого времени процесс «разбазаривания» объектов культурного наследия постепенно сходит на нет» (61, 83). В 1920-х годах была внедрена классификационная категорийная

система всей совокупности объектов наследия (как обязательное основание для охраны). Изначально все силы были положены на консервацию уникальных объектов, которые к тому же могли иметь хорошо сохранившийся вид. Но затем такая тенденция стала постепенно уходить, с изменением культурных пластов общества неизменно стало меняться и само культурное наследие.

Так постепенно складывались условия для мощного стабилизирующего процесса в развитии системы российского общества и направляют к качественным ее изменениям. По сути, происходят трансформация в системе государственного контроля над культурным наследием. Горько, но факт: масштабы потерь нашей страны вообще и культуры в частности Великой Отечественной войны привели к пониманию огромной ценности культурного наследия для страны. Согласно разработкам Л.В. Максаковой, «общая сумма ущерба, причиненного памятникам и учреждениям культуры страны в период ВОВ, составляла 679 млрд. рублей в ценах на 1941 год. На временно оккупированной территории СССР из 991 музея было разграблено 427, в их числе 173 – в Российской Федерации» (72, 35-39). Культурные потери были огромны, масштабны и отчасти невосполнимы³. Однако последующая в мирное время работа по сбору и восстановлению информации о памятниках Великой Отечественной войны, сыграла основную роль в подготовке серии специальных законодательных актов этого периода. На этом основании данный этап вошел в историю отечественной культуры как «восстановительный», он и отражали народную радость победы в Великой Отечественной Войне. Все это стимулировало возрождение традиции. Так

³ Так, из 180220 экспонатов дворцов Павловска, Петергофа и Гатчины фашистами было вывезено 116346 предметов. В Петергофе был разграблен и подожжен Большой Петергофский дворец, взорван Большой каскад, разрушены все комплексы фонтанов. В Пушкине - поврежден Екатерининский дворец, его мебель и знаменитая янтарная комната были вывезены из страны. В Павловске - уничтожена стенная живопись П.С. Гонзаго, сожжены Розовый павильон, охотничий домик и т.д.»

«От артиллерийского обстрела пострадали многие памятники Ленинграда - Зимний Дворец, Адмиралтейство, здания Сената и Синода, Петропавловская крепость» (72, 84).

для Ю. Веденина малая родина человека, то есть его родной город, самый богатый источник традиций, так как находится вдали от центрально крупных городов (28, 56). В крупных городах очень стремительно меняются как культурные, так и ценностные установки, в свою очередь, чем меньше людей, тем более целостнее сохранены традиции.

Далее, так называемый «перестроечный этап», как хорошо известно, ознаменован значительным трансформациям в культурном наследии России. В этот период «... наложение внешних и внутренних факторов привело к усилению нестабильности и неустойчивости в российском обществе. Такие состояния характерны для периодов интенсивных изменений, реформирования социально-экономической и политической формы» (9). Одновременно возникают «узкие» и проблемные места в государственной политике культурного наследия и необходимость их своевременного разрешения. Складываются ряд негативных явлений. Показательный пример для М.А. Поляковой – практика макетов, послужившая прообразом пренебрежительного отношения к оригиналам (89, 88-90). Ее последствия нередко резонируют до сих пор. Международная оценка культурного наследия базируется на его оригинальности как важной ценности для мирового сообщества. Возведение вновь ряда объектов оправдано исторической необходимостью возрождения культурной преемственности.

Надо сказать, что советское время не распространяло тенденций к развитию законодательных постановлений консервировать объекты культуры. А.Ж. Кусжанова утверждает, что только «в 2006 году Правительству РФ и РАН были озвучены поручения по разработке Концепции и программы «по сохранению нематериального культурного наследия народов Российской Федерации на 2009 – 2013 гг.», прошедший обсуждение в национально-культурных объединениях, партиях, министерствах, институтах Российской академии наук, а также практически во всех регионах многонациональной, поликонфессиональной и поликультурной России» (62).

Системный кризис спровоцировал трансформации в культурном наследии страны. «Рождение новых форм и процессы отбора культурного наследия протекают в антропо-социокультурных системах одновременно. Значительная часть культурного наследия включается в новый социальный контекст, обретая иное звучание и смыслы в современной культуре» (9). Парадигмальная трансформация ценностей осуществляется плавно, что связано с внутренними социокультурными процессами в нашей стране. На новом уже витке происходят процессы, которые можно назвать феноменом «нового прочтения» истории или же, скажем, «переоценкой места и роли фактов истории» и др. Все это позитивно отражается на ситуации с культурным наследием. Заметим, сегодня оно законодательно регламентируется на уровне государства (Федеральный закон от 25 июля 2002 года «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»)⁴. В его русле современная объектная типизация культурного наследия включает в себя: 1). Памятники 2). Ансамбли 3). Достопримечательные места.

Итак, обобщая скажем: каждый из рассмотренных исторических периодов России показал разрыв с существующей системой ценностей. Этот разрыв оказывался не созидательным, об этом пишут такие мыслители как Э. Берн, А. Де Токвиль, Н. Бердяев и П. Сорокин, когда затрагивают тему о революциях. Выясняется, что, стремясь в будущее, революции поднимают на поверхность универсальные, базовые ценности. Инверсионный тип перехода является разрушительным и не самым эффективным для культуры, так как отрешение прошлых ценностей может пагубно на них самих повлиять. Однако появляется возможность для развития новых культурных форм, в

⁴ Объекты культурного наследия определяются Законом как «объекты недвижимого имущества со связанными с ними произведениями живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, науки и техники и иными предметами материальной культуры, возникшие в результате исторических событий, представляющие собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии, социальной культуры и являющиеся свидетельством эпох и цивилизаций, подлинными источниками информации о зарождении и развитии культуры.

этом и заключается эволюция наследия. Сегодня по Б.П. Шулындину оценка объектов реализуется в соответствии со сложившейся системой ценностей (123, 74-76).

Таким образом, по мере рассмотрения тематического поля данного параграфа мы пришли к следующим обобщениям:

Во-первых, культурное наследие является важнейшим национальным ресурсом, обладающим функцией поддержания стабильности и постоянства процесса общественной регуляции.

Оно является фактором формирования самосознания россиянина, особенно важным в период социальной и политической трансформации российского общества.

И, во-вторых, измененные потребности общества в совокупности с ценностным отчуждением приводят к процессам «забвения» и «утраты памяти», что, конечно же недопустимо и апеллирует: к выработке более эффективной системы государственно–правовой охраны российского культурного наследия; и одновременно требует оптимизации деятельности уже имеющихся отработанных механизмов, положительно зарекомендовавших себя на уровне государственных программ и Российской законодательной базы в сфере отечественного культурного наследия.

Собственно, об этом речь пойдет в заключительной части нашей диссертационной работы.

2.2. Культурное наследие как условие формирования самосознания россиянина: память и забвение

В данном параграфе мы предпринимаяем попытку рассмотреть культурное наследие как важнейшее и необходимое условие формирования самосознания россиянина, прибегнув к категориям «память» и ее антипод «забвение».

В этой связи оговоримся, что в современном динамичном, многообразном и нестабильном мире информационной цивилизации во всех культурно-цивилизационных регионах осуществляется поиск собственных путей социокультурного развития с приоритетом духовной терпимости и диалога различных культур и систем ценностей. Глобальный всесторонний кризис, охвативший нашу земную цивилизацию, может быть преодолен только при условии, что за фундаментальное основание социокультурного развития общества будет взят накопленный и традируемый из поколения в поколение духовный потенциал ее культуры. При таком подходе в рамках данной парадигмы культурные ценности народа не утрачивают и не могут утратить своей изначальной величайшей значимости. Вот почему сегодня, как никогда, актуализируется задача глубокого и всестороннего осмысления и изучения богатейшей истории культурного наследия стран и народов мира, в как важнейшей составляющей современного бытия.

Кроме того, по нашему личному убеждению, формирование интеллектуально развитого и духовно богатого гражданина, патриота своей страны, не представляется возможным вне сферы приобщения молодого поколения к истории отечественного культурного наследия, вне осознанного стремления к его изучению, сохранению и приумножению, и передаче такого рода знаний последующим поколениям наших соотечественников.

Мы не ошибемся, если скажем, что, в существе своем, благородная миссия идея сохранения и развития культурного наследия в условиях становления самосознания россиян рассматривается сегодня в качестве магистральной линии по «консервации» нашей русской (шире – российской) ментальности. А, по большому счету, – и сохранения духовной (и государственной) безопасности страны.

На наш взгляд, отнюдь не случайно на фоне современных геополитических и духовных коллизий полиэтничность населения Российской Федерации ставит перед обществом ряд задач, от решения

которых во многом зависит его культурно-ценностное и языковое единство, культурная и духовная консолидация самосознания россиян.

В условиях радикального переосмысления ценностей, универсализации культуры, глобальных социокультурных процессов особое место занимают проблемы культурного наследия в условиях формирования самосознания россиян. Для многонациональной России идея сохранения и развития этнокультурной самобытности населяющих ее народов, выделение и интеграция гуманистических традиций становится важнейшей составляющей социально-политической деятельности государства.

Специфика на сегодняшний день определяется тем, что утрата традиционных систем ценностей предшествует процессу становлению и усвоению новых. Все более заметна постепенная утрата нашим обществом традиционно российского национального самосознания. Многочисленные социологические, педагогические и психологические исследования говорят о растерянности молодого поколения, пессимистическом восприятии жизни. Проблемы национального самосознания имеют для России особое значение.

Важнейшей задачей на сегодняшний день является консервация общенационального единства России, духовное оздоровление общества, что невозможно без воспитания национального самосознания. А объединяющим базисом национального самосознания и идентичности здесь выступает категория «духовной культуры» стран и народов на плодотворном (но непростом) пути поиска диалога, консенсуса и взаимопонимания, когда разные культуры желают (и готовы) услышать и разговаривать друг с другом, не взирая ни на какие политические потрясения.

На данный момент сложились по меньшей мере три важных обстоятельства (фактора) жизнедеятельности российского общества и его культурной сферы. Обратимся к ним в кратком изложении, отметив в качестве основных такие факторы, как:

М. Хальбвакс считает, что этнический фактор постсоветского пространства, взятый в корреляции с фактором национальным, в русле

которого актуализируется задача выявления (отчасти пересмотра) места, роли и значения национального сегмента в развитии субъектов культуры. Это, во-первых. Во-вторых, фактор вычленения и идентификации собственно российской культуры, взятой в ее многонациональном культурно-ментальном и историческом (национальная история) измерении. Ну и, конечно же, с двумя связан третий фактор, в эпицентре которого сегодня все чаще находится проблема идентификации современной культуры и ее интерпретации «как культуры всего XX столетия» (116, 20-25).

В структуру наследия необходимо включить субъекта – человека. Никакая антропо-социокультурная форма не может полноценно существовать если в ней не будет индивида. Культурное наследие направлено в первую очередь на индивида, а затем и общество в целом. Человек «дает жизнь» культурному наследию, одухотворяет и впускает в него новые понятия, которые приобретают особую значимость. Культурное поле-это колыбель для человека. Индивид выступает частью глубинной формы культурного наследия. М. Хальбвакс говорит о том, что личность и ее «персональный» потенциал трактуется здесь как активный субъект и творческий созидатель объектов культурного наследия (вплоть до таких субъектов-носителей культуры, как анонимные, неизвестные авторы - представители народа (фольклор, народная музыка, народное творчество и т.д.)) (116, 26). И в этом плане именно отдельный индивид выступает и в качестве «транслятора», и в качестве активного, «живого» «популяризатора», манифестации, и, конечно же, в качестве «хранителя» базовых достижений культуры, развивая и приумножая реальный потенциал культурного наследия.

Для Й. Рюзена Являясь субъектом, индивид выступает «оценщиком» и одновременно «функциональным элементом процесса и системы деятельности в сфере культуры и культурного наследия» (96, 30-32), реализуя свою так называемую аксиологическую миссию, действуя согласно установленным принятым в системе культурного наследия» правилами,

нормативной базой и ценностными идеалами (как образцами, признанными за эталон в конкретно-исторической форме (и типе) духовного производства).

То есть мы хотим подчеркнуть, что именно активно реализующий свою «культурносозидательную», «культурноохранную» функцию тот или иной конкретно-исторический субъект культурного наследия формирует, воспроизводя его объекты, сохраняя, и осуществляя механизм отбора, передавая их в будущее (96, 47). Наследие создает чувство культурной идентичности, формирует культурно-историческую память и ощущение исторической преемственности, субъекта.

Далее важно сказать, что актуальная и чрезвычайно злободневная сегодня в нашем российском обществе тема памяти в культуре неизменно сопряжена с темой забвения, сопровождающей всякое практическое действие, направленное на увековечивание образов событий, людей и т. д. Практика создания одних культурных ценностей, как правило, неотделима от процесса разрушения других, и в этом смысле ценность намеренного уничтожения обладает особой значимостью. Приходит понимание того важного (и нередко весьма показательного факта) относительно того, что категория «памяти» (именно «культурной /исторической памяти»), как и категория «забвения», становится ключевым показателем нравственных качеств наших современников – личных, социальных, гражданских. Она (память) обладает специфическим нравственно-ценностным измерением, осмысление которого представляется актуальным как для философско-этической теории, так и для литературоведения.

Примечательно, на наш взгляд, что в ходе рассмотрения проблематики забвения Поль Рикер утверждал, что забвение не имеет ничего общего с амнезией, ибо оно происходит по причине своей нейронной основы. От молчания органов происходит ускоренный процесс старения и как следствия смерти индивида, при этом в обществе научный и философский дискурс не осуществляется (93, 56). В таком контексте категория и феномен «коллективного забвения» – есть естественный процесс, входящий в основу

формирования нации. На таких контрастах, из того что мы помним и что забываем держится нация. Изначально нация завоевывается, принимается, а потом народ это забывает. Но в основе души нации остается лежать забвение, органично связывающее прошлое с настоящим.

Для нас, по мере развития проблемного поля параграфа, весьма интересна позиция западного философа и психоаналитика Зигмунда Фрейда. В частности, например, то, что общество оставляет забытым, он рассматривал с точки зрения такого понятия и феномена, как «обратная сторона памяти», способной управлять нашими поступками. Он пишет, что забвение способно организовать настоящее через прошлое и проявится в бессознательной форме. По его мнению, основу забывания событий, фактов, образов, информации прошлого составляют: вина, страх и совесть. Для Фрейда противоположность процессов восприятия и забвения выступают основой душевного здоровья индивида. П. Рикер пишет: «Стирание в коллективной памяти событий прошлого связано с работой нашего мозга, сознание не может долго хранить события, не поддающиеся изменению. Таким образом, наша психика пытается оградиться от негативных событий путем их вытеснения из коллективного сознания» (93, 207).

Вместе с тем, забвение выступает амбивалентной частью не менее важного феномена, с которым человек обычно связывает свои надежды на существование и воспроизводство себя как социально-культурно значимого индивида. Речь, таким образом, идет о культурной и исторической памяти, которая всегда выступает инструментом мемориализации. По мере разрастания глобальных процессов в мире, прошлый опыт стал быстро устаревать, целостность памяти разрушаться, появились ее составляющие формы: историческая, коллективная, культурная память.

Интересно, что одним из первых, ученых разработавших теорию коллективной памяти стал М. Хальбвакс, расставив по разным углам историческую память и коллективную, он разграничил данные понятия (116, 78). Так, например, за поведение и мировоззрение общества отвечает

коллективная и культурная память, регулируя данные процессы. Делая акцент на несоответствии коллективной памяти с историей, М. Хальбвакс выделил само понимание истории как некой территории фактов, прочно закрепившейся в нашем сознании. Однако в силу определенных потребностей общество способно отбрасывать и отбирать наиболее необходимые ему в данный момент события. Ученый приписывал воспоминаниям свойства подчинения общества и передачи людям чувства идентичности. По его мнению, группа является носителем коллективной памяти, а так как группы – это делимые общества, их может быть неограниченное количество, то и коллективных памятей может быть много. «Память – это информация, возникающая в сознании, вызывающая состояние, через которое прошло ранее». Поэтому датам и историческим фактам М. Хальбвакс отводил не главную роль в закреплении воспоминаний в нашей памяти (116, 78).

Заметим, что, отталкиваясь от идей М. Хальбвакса, его последователи Я. Ассман и А. Ассман, П. Нора, Д. Ла Капра и другие, стали обозначать коллективную память как «культурно-историческую, выявляя ее место и важность для процессов в системе культуры». В частности, Я. Ассман и А. Ассман определили культурно-историческую память как тип передачи смысла культуры. В этом контексте память является знанием, со способностью управлением массы, регулируя не только поведение, но и переживания людей. К сожалению, это может приводить не только к порядку, но и к дестабилизации общественных отношений. Я. Ассман, предложил свое трактование культурно-исторической памяти, основываясь на изучении древних цивилизаций и наблюдений механизмов их функционирования. Для него культурно-историческая память выступает особой коммуникативной ситуацией, где свое существование находит в письменности и отождествляется посредством герменевтики. С изобретением письма мир претерпевает существенные изменения в своем развитии. Как писал Й. Рюзен: «Именно письменность наиболее характерно отражает

культуру народа, закрепляя информацию в пространстве» (96, 86). Подчеркивая, тот факт, что люди помнят только значимые события прошлого, Я. Ассман обозначил сознание, регулятором этих событий. По его мнению, сознание, подвергаясь забвению, способно отбрасывать некие факты и события прошлого. Однако при смене культурных кодов и временных ориентиров, забытые события могут с той же легкостью стать значимыми для общества. Тем самым такая гибкость культурной памяти позволяет управлять коллективным сознанием.

По утверждению П. Нора на культурно-историческую память, способны оказывать воздействия памятные места, которые при визуальном рассмотрении или закрепившись в нашем сознании, побуждают невольно вспоминать прошлое. Зарождаются такие места начинают благодаря чувственному аспекту. Но если бы эти места не включали в себя воспоминаний прошлого, обществу они бы стали не нужны. Памятное место как след неминуемо ушедших в прошлое событий, необходимость которых, является отражением потребности в истории.

Со своей стороны, такой исследователь, как П. Нора разводит понятия памяти и истории, утверждая, что память постоянно эволюционирует благодаря своим «живым» носителям, история – это факты, прошедшие во времени. Свою силу, по мнению П. Нора, память берет от воспоминаний и закрепляется в определенном объекте, месте, жесте или событии. Главной особенностью культурной памяти является сплочение людей. «Памятным» место делает не его расположение и даже не то, что оно представляет собой как объект, «памятным» оно становится, благодаря наложению на него символического мышления. О размышлениях П. Нора пишет К.М. Хоруженко: «П. Нора подчеркивает, что наиболее фундаментальная цель подобных мест - остановить время, заблокировать работу забвения» (117, 68).

А вот, скажем, Д. Ла Капра, четко выделяя памятные и не памятные места, утверждал, что одно и то же место будет нести в себе разное значение, так если оно осмысленно или оплакано, то это место памяти, если нет, это

место произошедшего события, не более того. По мнению исследователя, воспроизводя определенные события в нашей памяти, мы воспроизводим культурную травму, другое дело как мы ее воспринимаем. Есть два подхода: вживание в прошлое (когда мы анализируем тексты) и представление событий прошлого (рассказы о войне), на основе культурной памяти.

Интересно, что, как только научное сообщество определилось с дефиницией культурно-исторической памяти, ученый мир стал применять к этому понятию категориальный инструментарий, рассматривая культурно-историческую память как: искусство, мифотворческий инструмент, с точки зрения аксиологии, как функцию, механизм, институциональный конструкт.

По мнению Ф. Йетса, свое развитие культурно-историческая память как искусство получила в античности. В книге «Искусство памяти» он отмечает, что, обучаясь ораторскому искусству, необходимо было запоминать большое количество текста, чтобы его не забыть ораторы выстраивали ассоциации к тексту и месту проведения выступления. По его мнению, культурно-историческая память теснейшим образом связана не только с событием, но и с памятным местом. Позже А. Варбург, выделив в качестве основного компонента памяти, изобразительные символы, отмечает, что как след прошлого, символы закрепляются в нашем сознании и являются основными носителями культурно-исторической памяти. Проявляться они могут через язык образов, поэтому иконологии Варбург отводит особую роль, отнеся ее к методу исследования понятия культурно-исторической памяти. Такая вещь как «социальная память» возникает на стыке противоположностей культурного и первобытного в человеке. Именно она заряжена эмоциональной составляющей, заставляя сознание подчиняться образам. Искусство благодаря художественным образам, способно поддерживать связь между эпохами, выступая формой познания и постижения мира.

Рассматривая культурно-историческую память как мифотворческий инструмент, можно отметить, что ее трансляция, как передача прошлого

опыта, происходит благодаря вербальным и визуальным категориям. Одной из таких категорий является миф. Здесь важно понимать, где заканчивается история и начинается миф. Если история начинает вести рассказ, то это уже можно считать за проявление мифологической ее стороны. По мнению Ю. А. Арнаутовой, наличие мифа в истории еще не дает право принимать это за факт. Однако органичное сплетение истории и мифа в культурно-исторической памяти и делает ее уникальной. О включении мифа в структуру культурно-исторической памяти рассуждал и Я. Ассманн, утверждая, что миф является повествователем опыта прошлого, но далеко не все, что он повествует, является правдой. По его мнению, миф выступает определенной формулой, благодаря которой, возможно мирное разрешение противоречий в поставленной проблеме. Если таковой проблемы нет, то и потребность в мифе отпадает сама собой и тогда на первый план выходит история.

Исследователь В. А. Солоухин, являясь очевидцем безжалостного разрушения культурных памятников, был озадачен идеей борьбы за место культурно-исторической памяти в культурном пространстве. В «Черных досках» он справедливо писал, что люди обезумели, сносят старинные церкви, здания, памятники. Они возводят на их месте мастерские, клубы, дома, парковки. Варварское отношение к прошлому говорит о неуважении предков, безнравственности, безответственности перед культурной памятью, а значит и перед своим будущим. По его мнению, восстановленные памятники являются пустыми макетами, в них исчезает та первоначальная культурно-историческая память, заложенная архитекторами, строителями или простым народом. Тогда эту пустоту общество старается заполнить культурно-исторической памятью и традициями другой культуры, отрицая свою. По этому поводу Солоухин говорит о том, что «Внимая чуждому, уничтожая собственное, из сознания народа вытравляется уважение к величию человеческого духа».

С позиции немецкого мыслителя Й. Рюзена, обществу просто не хватает ориентира во временном пространстве, обеспечивающего осознание

себя в настоящем. Таким ориентиром он обозначает культурно-историческую память, в актуализации которой задействован кризис (96, 68). Во время нестабильного состояния в обществе пробуждается историческое сознание, призывающее обратиться к опыту прошлого. Так понятие траура Й. Рюзен, воспринимает как одну из форм воссоздания памяти. Испытывая боль во время утраты, она побуждает человека посмотреть на мир другими глазами, переосмыслив настоящее, мысленно вернуться к прошлому, выбрав для себя иные ценностные ориентиры (96, 72-76).

Среди отечественных исследователей, занимавшихся проблемой памяти (культурной, исторической, прежде всего) особое место принадлежит выдающемуся историку и ученому, автору ряда классических вузовских учебников по исторической науке, Д.С. Лихачеву (66, 21).

В частности, рассматривая культурно-историческую память как функцию, Д.С. Лихачев отождествлял ее с творческим актом, в котором происходит преодоление временных границ и сохранение того, что не смогло сохранить время. Совесть для него выступает, как одна из форм проявления культурно-исторической памяти, связанная с моральной ее стороной. На почве существования памяти и ее трансляции, в обществе вырастает традиция, накапливая в себе прошлый опыт. Память способна дать эстетическое воспитание, поэтому, по мнению Д.С. Лихачева полностью отрешиться от прошлого невозможно. Обращение к памяти своего народа придает ему силы, которые необходимо направлять в сторону подъема культуры (66, 34). Благодаря чему, увеличивается рост национального самосознания, со стремлением понять и познать историю, культуру своего народа, а этим мы уже развиваем интерес к мировой культуре и ее самобытности. По словам Д.С. Лихачева, долг, который стоит перед всем человечеством, заключается в сохранении, бережном отношении к культурной памяти и ее передаче будущему поколению. (66, 45-46). Он делает важный акцент на том, что люди заботятся о сохранении окружающей среды, тратя на это силы и огромные средства, забывая о сохранении среды

культурной. Ведь именно культурная среда делает человека социализованным существом, обогащая его духовно. Вот что он пишет по этому поводу: «Человеческая культура в целом не только обладает памятью, но эта память по преимуществу. Культура человечества – это активная память человечества, активно же введённая в современность». По его мнению, «человек, сознательно отказывающийся от опыта прошлого, отказывается от культуры» (66, 50). Этот тезис, мы убеждены, сегодня как никогда актуализирует свою смысловую нагрузку.

И, надо полагать, совсем не случайно Д.С. Лихачев придавал памятникам и памятным местам особый сакральный смысл - места, хранящие в себе память о прошлом магнитировать людей, притягивая к себе необъяснимым образом. Восстановить утраченный памятник культуры невозможно, ибо это уже разрушенная память, лишённая фактов, не более...

В этом же ключе рассуждал Н.Н. Моисеев, говоря, что «...весь процесс самоорганизации живого мира можно излагать в контексте развития памяти» (77, 134). О памяти он писал, как о «...механизме хранения, накопления и передачи информации в интересах данного организма - живого существа» (77, 168). Первый исторический способ хранения информации - генетическая или наследственная память, способом кодировки информации которой, является язык. «Эта форма памяти позволяет воспроизводить себе подобных существ, передавая им наследственные признаки с учетом оптимальной изменчивости. Причем наследственная память характерна как для человека, так и для простейших организмов. Позднее появляется другая форма памяти – обучение, которое происходит по принципу «Делай как я». Появляются знания и труд, позволяющие не только существенно облегчить жизнь живым существам, но и передаваться из поколения к поколению. Эта форма памяти характерна для высших животных и человека» (77, 134).

Помимо этого, данный исследователь, автор многих трудов по анализу такого феномена как «утрата памяти в мире «неживой» природы» не был столь же однозначен по отношению к «живой» природе. Вот лишь одна его

цитата на эту тему: «...в мире живой материи память выступает в качестве некоторого элемента информационной службы организма, без которого не могут быть раскрыты те потенциальные возможности достижения цели, которыми этот организм обладает» (77, 168).

Иначе говоря, в случае, когда речь идет о потере системой памяти, это не что иное как по-другому оцениваемая историческая информация, по сравнению с предыдущим периодом. «Положительное становится отрицательным, героизм оборачивается предательством и т.д. Примеров этому достаточно и в новейшей истории, достаточно упомянуть такие значимые для российской истории имена, как Николай II, В.И. Ленин, И.В. Сталин и т.д. То есть происходит «перекодировка» исторической информации. И именно отсюда «утрата памяти».

Культурно-исторический феномен памяти обладает свойством репрезентации прошлой информации, необходимой для развития общества в настоящем. Благодаря этому, «происходит трансляция культурного наследия, где органично переплетаются между собой новации и традиции. Чем больше современное общество ищет попытки отойти от прошлого, тем сильнее оно пытается обнаружить свою преемственность в настоящем. Не находя этого, стремится заново сконструировать то время, в котором чувствовало себя наиболее целостно и испытывало удовлетворение потребности в личностной самоидентификации, обращаясь к прошлому опыту. Именно обращение к культурно-исторической памяти, дает возможность индивиду и обществу в целом, устойчивые поведенческие направления, личностную целостность и преемственность».

Одной из сложных проблем феномена культурно-исторической памяти и ее понимания как механизма, является вопрос о смене поколений ее носителей. Сменяясь одно другим, общества вносят свои качественные изменения в содержание и интерпретацию культурного прошлого. Теряя объекты или очевидцев событий прошлого, у нового поколения формируются уже приблизительные представления о нем. В.С. Соловьев

утверждал: «... в такие моменты не нужно пытаться навязать людям исторические факты, интерес к ним достаточно сильно будет снижен и личной вовлеченности индивида в происходившее событие не будет. Он отводит истории роль консерватора, основная задача которой сберечь прошлое» (103, 24). По его мнению, историк проявляет свой живой опыт, занимаясь исследованием, тем самым внедряя его в память культуры.

В данной связи, Выявляя культурно-историческую память как институциональный конструкт, В.С. Соловьев утверждает: «...колоссальное воздействие на мышление, культурно-историческую память и культуру вообще оказывает СМИ, это понимают все, однако оценку этому, каждый дает по-своему. Осуществляя функцию трансляции, большей частью, СМИ стало заменять нам письменные источники и устную передачу информации. Это имеет неоднозначное последствие. Происходит нарушение связи между поколениями, у молодежи снижается интерес к прочтению книг, фольклору и устной коммуникации (103, 22).

На наш взгляд, здесь важную роль играет содержание передаваемой информации, выстраивая ложные ориентиры, можно говорить о механизме управления СМИ коллективным сознанием, часто используемый в политических целях. Тогда как, обращение к культурной памяти, а именно образам, событиям закрепленных в сознании, посредством мифов и символов, дает обществу преимущество, в осмыслении окружающего его социокультурного пространства. В итоге такое давление СМИ на общественное сознание может лишить нас культурно-исторической памяти вообще» (103, 24).

Итак, в целом, в рамках тематического поля данного параграфа, мы постарались показать, что такой масштабный и многогранный феномен отечественной культуры, как «культурное наследие, выступает первостепенным условием и одновременно определяющим фактором формирования самосознания наших сограждан соотечественников. С этих позиций каждый россиянин должен, наконец, подняться до уровня

понимания самого себя как активного субъекта и коллективного (совокупного) индивида, от деятельности которого (без преувеличения) зависят судьбы отечественного культурного наследия, а, по большому счету, духовная безопасность страны. Хотя, по сути, эта высокая миссия не нова: можно сказать, что она генетически сопровождала человека, живущего в культуре.

Наш основной вывод состоит в следующем: именно активный субъект во все времена выступал носителем коллективной исторической памяти своего народа. Задача сегодняшнего дня – не потерять связь поколений, не допустить «потери памяти» и тотального культурного забвения. Тем самым мы признаем высокую роль культурного наследия в сохранении общественной регуляции и самоидентификации человека вообще, и наших соотечественников, в особенности. Такова наша собственная исследовательская платформа в данном вопросе.

III. ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РОССИИ

3.1 Действие государственной политики в области сохранения культурного наследия России

Ставя перед собой задачу – исследовать взаимодействие государства и общества в области сохранения культурного наследия России как основную для данного отрезка работы (параграфа 3-го), мы должны, сразу же определиться с собственной позицией в этом вопросе. Мы полагаем, что важнейшей и приоритетной задачей государственной власти нашей страны по-праву провозглашена государственная охрана объектов культурного наследия.

Подтверждение данной мысли мы находим у выдающегося ученого, историка и общественного деятеля в области отечественного культурного достояния Д.С. Лихачёва. Он писал, что «... бережное, заботливое отношение к прошлому, к памяти, к истории и духовным и материальным отношениям... Это высший критерий культуры философии, преемственности поколений, торжества бессмертия, вечной жизни человечества» (67, 213). Под этим тезисом, наверное, подписались бы миллионы россиян, наших сограждан, с тревогой наблюдающие сегодняшнюю ситуацию по постепенному разрушению самих оснований отечественной культуры. Впрочем, данные негативные процессы переживает «здесь и сейчас» вся мировая культура. Но у нас в работе речь идет прежде всего, о сохранении российского культурного наследия и необходимости приумножения его духовного и материального потенциала.

По-большому счету, культурное наследие – это своего рода «архив поколений» и сохранить его для потомков крайне своевременная и благородная задача. Такова в общих чертах наша позиция.

Она позволяет нам далее отметить, что если ключевым принципом государственно-правовой охраны культурного наследия является его системность, то непреложным компонентом такой деятельности с полной

уверенностью можно считать принцип взаимодействия государственных органов, с одной стороны, и профильными специализированными общественными, частными и международными организациями и формированиями.

Примечательно, что таком важном документе, как «Доктрина информационной безопасности Российской Федерации», говорится, что «... культурное наследие народов Российской Федерации отнесено к объектам, подлежащим обеспечению информационной безопасности Российской Федерации в сфере духовной жизни» (1).

Обращение к ст. 35 «Основ законодательства РФ о культуре» показывает: в ней записано, что «государство ответственно за выявление, учет, изучение, реставрацию и охрану памятников истории и культуры. Государство обладает приоритетным правом приобретения культурных ценностей, находящихся в частном владении, законодательно регулирует права и обязанности владельцев» (1). Четко прописан контроль со стороны государственных органов за исполнением решений и регламентируется ответственность в сфере охраны и сохранения культурного наследия, что, в свою очередь, предусматривают управленческую деятельность в системе соответствующих специальных мероприятий:

Ранее, несколько выше, мы уже обращали внимание на истоки становления общероссийской государственной политики в данной области. Принято данный отсчет вести с периода семидесятых годов XX века, когда в 1972 году Всемирной организацией ЮНЕСКО (специализированное учреждение Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры), была принята так называемая Конвенция по охране всемирного наследия – природного и культурного, вступившая в силу в 1975 году. На ежегодных сессиях, проходящих с тех пор, члены ЮНЕСКО решают вопросы о включении того или иного объекта культуры в фонд всемирного наследия. Как только та или иная природная зона или объект культуры попадает под защиту организации, то международные нормы запрещают

проводить там какие-либо работы и что-то возводить, сносить и перестраивать без ведома организации. Первые объекты, находящиеся на территории России, были занесены в список в 1990 году на 14-ой сессии Комитета Всемирного наследия ЮНЕСКО.

В списке Всемирного наследия ЮНЕСКО в Российской Федерации значится 25 наименований: Исторический центр Санкт-Петербурга и связанные с ним комплексы памятников. Архитектурный ансамбль Кижского погоста, Московский кремль и Красная площадь, Исторические памятники Новгорода и окрестностей, Культурный и исторический ансамбль «Соловецкие острова», Белокаменные памятники Владимира и Суздаля. Церковь Вознесения в Коломенском, Архитектурный ансамбль Троице-Сергиевой лавры, Девственные леса Коми, Озеро Байкал, Вулканы Камчатки, Центральный Сихоте-Алинь, Золотые Алтайские горы, Убсунурская котловина, Западный Кавказ, Историко-архитектурный комплекс «Казанский кремль», Ансамбль Ферапонтова монастыря, Куршская коса, Цитадель старый город и крепостные сооружения Дербента, Остров Врангеля, Ансамбль Новодевичьего монастыря, Исторический центр Ярославля, Геодезическая дуга Струве, Плато Путорана, Ленские столбы (1).

По ходу уточним и такой важный аспект, как международное сотрудничество стран и народов на уровне взаимопомощи и взаимосоглашений целого ряда международных организаций. Таких, например, как Международный совет музеев) МКОМОС (Международный совет по сохранению памятников и достопримечательных мест) и др. (1).

Документом, системно центрирующим и направляющим политику государства в сфере области охраны недвижимого наследия, выступает Федеральный Закон №73 – ФЗ «Об объектах культурного наследия (то есть, о памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (2). Данный Закон:

– Во-первых, провозглашает и гарантирует всем гражданам РФ сохранность объектов многонационального культурного наследия.

– Во-вторых, он фиксирует права граждан нашей страны на свободный не дискриминированный доступ к объектам культурного наследия и законодательно гарантирует свободу по культурному наследию наследия.

Если говорить о полномочиях государства в сфере культурного наследия, то следует назвать в их ряду такие важные направления государственного регулирования и контроля как:

- инвестиционная политика;
- утверждение федеральных целевых программ в сфере объектов культурного наследия;
- фиксация ограничительного режима по их использованию населением РФ;
- составление единого реестра объектов культурного наследия;
- осуществление государственного контроля, охраны и установление системы ответственности в данной сфере;
- определение ключевых направлений международного сотрудничества в области охраны объектов культурного наследия на международном уровне сотрудничества ряда государств и общественных организаций (движений) и т.д. (2).

В ряду современных основных программных документов по охране культурного наследия находятся целевые программы «Культура России на 2006 – 2011 гг.», «Культура России на 2012 – 2018 гг.», а также проекты регионального масштаба, включающие материальное обеспечение на объекты, особого культурного значения.

Основными целями федеральной целевой программы «Культура России на 2006 – 2011 гг.» провозглашены следующие:

- сохранение культурного наследия России (в самом широком и актуальном смысле данной цели);

- формирование единого культурного пространства, также – оптимально приемлемых условий по доступу граждан РФ к культурным благам (и информационным ресурсам, соответственно);

- обеспечение оптимальных условий, направленных на укрепление «культурного потенциала нации»;

- наконец, сюда примыкает такая целевая установка, как интеграция в мировой культурный процесс; создание условий для адаптации сферы культуры к рыночным условиям существования.

Интерес представляет рассмотрение концепции федеральной целевой программы «Культура России 2012-2018 гг.», уже утверждённый лично Председателем Правительства РФ В. Путиным (Распоряжение от 22 февраля 2012 г. №209). В документе из 38 страниц, описываются несколько тем:

- достигнутые результаты и реализация предыдущей ФЦП 2006 – 2011 гг.,
- обосновывается необходимость в реализации предложенной концепции ФЦП на 2012-2018 гг.,
- оценивается проблематика и приоритеты культурной сферы нашей страны на сегодняшний день;
- устанавливается предельный объем и распределение финансирования;
- определяется стратегия и тактика, задаются показатели и сроки реализации ФЦП.

Таким образом этот документ во многом отражает, какая политика государства будет по отношению к культурному наследию проводится в течении ближайших 6 лет. Интерес вызывает раздел, касающийся предварительного анализа итогов реализации федеральной целевой программы «Культура России (2006 – 2011 годы).

«В рамках федеральной целевой программы «Культура России 2006 – 2011 гг.» на развитие отрасли было направлено 126,63 млрд. рублей, из них 113,62 млрд. рублей – это средства федерального бюджета, 13,01 млрд. рублей составили прочие источники». «В рамках федеральной целевой программы «Культура России 2006 – 2011 гг.» на сохранение памятников

истории и культуры Российской Федерации из федерального бюджета было выделено 13456,29 млн. рублей». Можно подсчитать, что на сохранение памятников выделено всего 10 % от бюджета ФЦП.

Еще немного статистики:

«В 2006 – 2011 годах в полном объёме были проведены работы по сохранению памятников истории и культуры, начиная с разработки научно-проектной документации и заканчивая проведением комплекса ремонтно-реставрационных работ на 35 объектах культурного наследия Российской Федерации. Проведённые восстановительно-реставрационные работы позволили вывести ряд памятников из аварийного состояния. Результатом Программы стало увеличение до 35 процентов в 2011 году доли находящихся в федеральной собственности объектов культурного наследия, состояние которых является удовлетворительным, что соответствует целевым показателям федеральной целевой программы «Культура России 2006 – 2011 гг.». В итоге получается, что за период с 2006 по 2011, то есть за пять лет, в нашей стране силами государства в рамках федерально-целевой программы было отреставрировано всего 35 объектов культурного наследия РФ.

Уточним, что «На территории Российской Федерации в настоящее время на государственной охране находятся более 80 тыс. объектов культурного наследия, в том числе 23 тыс. объектов федерального значения». Проведя нехитрые математические подсчёты, можно выяснить, что за пять лет, было отреставрировано 0,04 % памятников архитектуры и культурного наследия, правда, если речь идёт исключительно о памятниках федерального значения, то доля вырастает аж до 0,1%. Меньше 0,03 процента в год.

Очередное обращение к статистике показывает нам следующее:

В целевых индикаторах и показателях программы, обозначено, что за этот период «Доля объектов культурного наследия, находящихся в удовлетворительном состоянии, в общем количестве объектов культурного наследия федерального значения» вырастет с 27% в 2006 году до 33,5 % в 2011. То есть отреставрировано будет 6,5 % памятников. А на деле, как мы

видим из отчёта о реализации – отреставрировать смогли даже больше и доля памятников, находящихся в удовлетворительном состоянии увеличилась до 35% (количество отреставрированных памятников выросло на 8%). Даже если брать в расчёт только федеральные памятники, которых 23 000, то 8% – это 1840 объектов. В программе же говорится о полной реставрации всего 35 объектов. Неужели с помощью реализации механизмов привлечения инвесторов, предложенных данной ФЦП удалось найти инвестиции из других источников, для реставрации оставшихся 1800 памятников?

Примечательно, что новаторской частью Программы выступает раздел, касающийся такой важной и болевой проблемы в области культурного наследия (его сохранности, в первую очередь), как «реставрация движимых и недвижимых памятников, мониторинг их состояния, исследование и экспертиза, формирование реестра памятников. Здесь специалистами прописан, можно сказать, исчерпывающий «реестр» мер и мероприятий, главная цель которых направлена на сохранение имеющихся у нас в стране объектов федеральной собственности и серии работ по пошаговой реставрации таких объектов национального культурного наследия РФ.

Помимо реставрационного направления важная роль отведена научно-проектному и одновременно инфраструктурному обеспечению государственной культурноохранительной политики в отношении культурного наследия. Сюда же включено такое не менее значимое направление, как плановые и комплексные мониторинги, по итогам которых можно получить адекватную картину относительно качества и уровня состояния памятников истории и культуры) и дать на этой основе научные рекомендации по возможности их эксплуатации (использования) в государственно-культурной сфере. Это позволяет сформировать «банк» или же, скажем, адекватную и объективную современную «базу данных» общегосударственного реестра культурного наследия (в виде его основных объектов).

Если провести все мероприятия и вообще действовать в соответствии с концепцией ФЦП, то статистика покажет существенный рост доли объектов с удовлетворительной оценкой их состояния на сегодняшний день от общего их количества (этот рост составит примерно увеличение с 35 процентов до 42,7 – 45, 3 процента (в зависимости от сценария)» то есть где-то на 7 – 8 процентов, что составляет за период действия ФЦП порядка 1800 памятников федерального значения. По-видимому, мы должны позитивно воспринимать такую положительную динамику, но относиться к ней достаточно здраво и впадать в эйфорию по поводу отсутствия острых и проблемных мест в сфере нашего культурного национального достояния, – так, во всяком случае, мы считаем. Поскольку, ряд исследователей высказывают определенные опасения относительно последовательности и системности государственной культурной политики в данной сфере. Например, об свидетельствуют работы М.А. Поляковой: эту политику невозможно считать сильной и последовательной, говорит она, поскольку налицо ее неэффективность (89, 37). Наверное, в такой точке зрения есть доля правды, основанной на знании данным автором реальности в рассматриваемой нами сфере с состоянием культурного наследия.

В ряду целого ряда «узких» и проблемных мест современные специалисты особое внимание склонны обращать, например, на неэффективность реализации такой категории как «потенциал культурного и природного наследия» в целях поддержания национального имиджа России (причем не только в глазах наших соотечественников, но и в «иностранной среде»).

Наряду с этим минусом называется и такой, как неотработанный механизм (на грани неумения, а кое-где и нежелания) овладевать актуальными методиками по включению культурного достояния в проведении новой политики России, для нахождения единства и эволюции связывающей общество (89,76-78).

К сожалению, реальность такова, что названную ситуацию усугубляет слабость (говорится и об отсутствии такового) единого координирующего и управленческого национального центра в сфере культурного наследия, его охраны и сохранения.

К сказанным проблемным участкам примыкают и другие, и их не так уж мало. Назовем хотя бы для примера и наглядности общей неутешительной картины, такие проблемы и уязвимы места, как:

- Во-первых, целевая и правовая неопределенность по приоритетным направлениям в системе культурного наследия.
- Во-вторых, отсутствие эффективной и четко выраженной модели практического применения культурного наследия и его манифестирования как ресурса памяти прошлого, актуального для процессов поддержания целостности социальной общности и освоение такого рода ресурса в пространстве современной мировой культуры.
- В-третьих, не достаточная эффективность применения данного культурного ресурса в целях укрепления авторитета нашей страны в мировом культурном поле, в том числе и использование в этих целях
- В-четвертых, слабая материальная и размытая в плане стабильности государственного финансирования и поддержки институтов и движений в сфере охраны и сохранения национального наследия в сфере культуры.
- В-пятых, неотработанность новационных форм взаимодействия общественных учреждений и государственных институтов в сфере охраны культурного наследия России в условиях современной российской действительности.
- В-шестых, недостаточная эффективность и действенность культурно-просветительской и пропагандистской работы (в том числе и на образовательно-воспитательном уровне) по утверждению в обществе парадигмы, позиционирующей культурное наследие и коллективную память как важнейшую часть национальной идентичности россиян и значимый ресурс ее конструирования.

Наконец, можно причислить и такой пробел как неотработанная и слабая система государственного регулирования.

И завершить ряд таким существенным «минусом», который связан с неверной моделью отношения к культурному наследию в сознании основного массового потребителя данной историко-культурной «продукции»: то есть, восприятие культурного наследия, прежде всего, как собственности и укорененной в сознании масс непризнание (или не желание признать) его в качестве важного достояния общности.

Данное перечисление, отражающее в общем виде ситуацию в сфере государственной политики, направленной на сохранение памятников истории и культуры Российской Федерации. С точки зрения М.А. Поляковой, такого свойства беспокойство и тревога усугубляются от статичного положения в области охраны культурного наследия, «этот факт воспринимается особенно негативно на фоне явного усиления политики в области наследия в абсолютном большинстве стран мира» (89, 98-103).

Можно, конечно предполагать описанной нами улучшение ситуации с национальным культурным наследием (и такого рода рекомендации имеют место быть в российской современной практике, отчасти склонной к переносу на сугубо российскую почву западных апробированных и «обкатанных» моделей в сфере охраны культурного наследия. Так, например, предлагается М.А. Поляковой вариант по интегрированию нашей страны в общемировой рыночный сегмент экологического и культурного туризма, основанного на устойчивом использовании или же, скажем, освоить апробированную на Западе практику создания особых (и наделенных широкими полномочиями «от государства») общественных сообществ или, как их называют сегодня, «национальных трастов» и т.д. Разумеется, можно обратиться к подобным зарубежным практикам.

Однако же эти меры, на наш взгляд, не могут изменить в одночасье всю ситуацию целиком, и причем, кардинальным образом. Здесь нужна кропотливая, комплексная и целостная система работы, прежде всего,

направленной на оздоровление массового общественного сознания. Чтобы сами люди, наши сограждане воспринимали проблему охраны, сбережения всего культурного потенциала России как свою собственную проблему, как актуальную «болеву точку». Фрагментарных мер и мероприятий здесь, полагаем недостаточно. Необходимо изменить отношение людей, изменить парадигму и модель человеческого индивидуального сознания.

По большому счету, речь, с нашей точки зрения, должна идти о новом культурном сознании (особенно молодого поколения страны как созидателя и настоящего, и, тем более, будущего своего Отечества. И примеры, которые, скажем, сегодня нам предлагаются, и которые, насколько нам известно, во многом ориентированы на западные варианты, модели и образцы, используемые и успешно работающие в сфере культурного наследия, нам не всегда подходят и подчас себя не оправдывают. Ведь отчасти они не учитывают уникальной специфики России, особенностей ментальности народов, ее населяющих, не вникают в специфику своеобразия российской национальной культуры (культур, в том числе и этнических).

Поэтому, как нам кажется, западные аналоги не могут служить стопроцентной «панацеей» в решении рассматриваемой нами острой проблемы с культурным наследием РФ. Конечно, вполне возможно, что мы ошибаемся в наших рассуждениях. Но, подчеркнем, это наша личная авторская позиция в данном вопросе. И она, по-видимому, имеет место быть, как всякая иная модель и форма мышления.

Иными словами, мы хотели подчеркнуть мысль о том, что сам факт успехов или же, напротив, недостатков в современной политике со стороны государства в сфере культурного наследия, не в коей мере не отменяет наличия самой проблемы, а, следовательно, мотивирует и специалистов-профессионалов, и самих россиян, на поиск адекватных российским условиям эффективных способов ее своевременного разрешения (а в идеале – устранения). Вопрос отнюдь не риторический. На фоне борьбы за духовную

национальную безопасность он актуален сегодня в особенной степени и больше, чем, когда бы то ни было в истории российского государства.

На высоком уровне государственной политики авторитетные специалисты и исследователи междисциплинарных дисциплин предлагают в ряду специальных мер по исправлению положения в сфере культурного наследия, его охраны и сбережения называют такие как:

- оптимизация законодательной и правовой системы;
- создание внебюджетной базы и специальных фондов (в том числе и учреждение бюджетного фонда целевого назначения (с целью не просто охраны недвижимого культурного наследия, но и для его пропагандирования, манифестирования в обществе. Заметим, что сегодня уже есть подобные позитивные и оправдывающие себя примеры и практики в ряде центральных регионов (областей) Российской Федерации.

- популяризация, усиления деятельности и расширение полномочий. укрепление собственности ключевых государственных научно-проектных и производственных организаций.

Кроме того, предлагается ряд важных изменений в ныне действующем на территории РФ основном Законе «Об объектах культурного наследия ...» № 73-ФЗ (по вопросу участия общественных организаций в деятельности государственных органов, уполномоченных в проведении государственной политики по сохранению и охране культурного наследия (2) и другие эффективные и своевременные меры, настоятельно необходимые для их внедрения в общероссийскую практику государственной политики.

Итак, с учетом вышеизложенного, мы считаем, в настоящее время наблюдается недооцененность государством культурного наследия как уникального ресурса для формирования общенациональной идеи, несовершенство системы государственной охраны объектов культурного наследия. То есть, если государство будет заинтересовано в вопросе сохранения объектов культурного наследия и прислушиваться к мнению авторитетных экспертов и общественному мнению (причем, в масштабах

всей страны), то такой подход, безусловно, будет способствовать процессам оптимальной реализации Программы по сохранению объектов культурного наследия РФ.

Наш общий вывод резюмируется в положении о том, что поскольку сегодня речь идет о сохранности и защите отечественного национального достояния – как «залога» успешного развития России, постольку мы вправе говорить о том, что охрана и сохранение (также – приумножение) богатейшего историко культурного наследия является из важной и одновременно многотрудной задачей, стоящей перед российским государством и обществом в целом.

3.2 Анализ общественных учреждений в охране культурного наследия России

В данном параграфе мы сконцентрируем наши усилия на рассмотрении проблематики культурного наследия с точки зрения выявления основных форм и моделей взаимодействия общественных учреждений и государственных институтов в сфере охраны культурного наследия России. И сразу же обозначим ключевую мысль этого вопроса.

Она такова: с ускорением протекания всех социальных процессов, у индивидуальной памяти остается не так много места, отношение к культурному наследию неизбежно изменяется, в связи с чем актуализируется задача изучить эти изменения.

Поскольку культурное наследие несет в себе несомненный положительный заряд для общества, постольку возникает настоятельная потребность в рассмотрении деятельности сети организаций, которые специализируются на сохранении российского культурного наследия.

Если говорить о настоящем периоде и состоянии дел в области проблемы охраны и сохранения отечественного культурного наследия, то, к сожалению, наша констатация не будет оптимистичной. Это объясняется

главным образом тем негативным обстоятельством, что наша страна в существенной мере если не утратила, то постепенно теряет такой важный для системы наследия институт, каким выступает структура «Общественного движения охраны культурного наследия». Ее прежние (и, надо сказать достаточно действенные и эффективные) формы, увы, стали практически рудиментами. По свидетельствам специалистов в области культурного наследия, (по Л.В. Максакову) «...переходный постперестроечный период не способствовал укреплению гражданских инициатив в области охраны памятников истории и культуры. (72, 57)». По-видимому, в этом присутствует большая доля негативной реальности. И не только в системе охраны культурного наследия, но и в культуре вообще (понятие «кризис культуры» сегодня у всех на слуху).

Обратившись к серьезным документам и организациям, сфера интересов которых лежит в области феномена охраны культурного наследия, мы увидим, что ключевая роль и основная миссия в данном вопросе возложена на такую общественную организацию, как «Всероссийское общество охраны памятников культуры (ВОО ВООПиК)», имеющее собственные региональные отделения на территории всей страны (1). По определению перед нами общественная организация, деятельность которой будучи основанной на принципах самоуправления и добровольности, осуществляется в территориальных границах большей Российской Федерации (далее по тексту – РФ).

Дадим информационную краткую справку относительно данной организации (дата ее учреждения – 1966 год).

Справочные источники сообщают следующее. «Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры» стала первой неправительственной структурой в сфере сохранения наследия, объединив в своих рядах не только краеведов-любителей, но, прежде всего, специалистов: архитекторов, историков, искусствоведов, музейных и архивных работников, реставраторов, инженеров-технологов, археологов. Наличие компетентных

специалистов в составе организации повышает доверие органов власти к ней, а также способствует лучшему взаимопониманию в строящемся диалоге государственных и общественных структур» (144, 105).

Далее, примерно к периоду 1980-ых годов XX в. появилось огромное количество первичных организаций ВООПиК на фабриках, заводах, институтах. Устав общества был утвержден постановлением Совета Министров РСФСР от 6 июля 1966 г. Уточним также, что инициатива «организации добровольного общества охраны памятников культуры и истории» была одобрена исполкомом Московского городского совета депутатов трудящихся в сентябре 1965 г. Высшим руководящим органом ВООПиК являлся съезд. Общество включало в себя квалифицированных кадровых рабочих, отчего общество выглядело еще более солиднее, специалистов, что придавало его работе профессиональный характер.

Целевое предназначение Общества обозначено так:

–Выявление, изучение, охрана, реставрация и пропаганда памятников истории и культуры.

–Экспертирование проектов соответствующего профиля;

Отсюда следовала система главных направлений деятельности, которая включала в себя ряд отделов (отдел пропаганды – секциями памятников музыкальной культуры и по работе среди молодежи и детей; отдел исторических памятников – секции исторических памятников и комиссией археологических памятников; отдел архитектурных памятников с комиссиями – градостроительной, реставрационной, и по учету памятников)

Даже через несколько десятков лет общество не изменило своей системы деятельности. Показательно, что в период 1968 – 1971 г. общество участвует в финансировании реставрационно-консервационных работ почти 200 объектов, шестьдесят которых, было спонсировано этим обществом. Среди этих объектов – Артиллерийский двор в Астраханском кремле, дворцовый комплекс в Богородицке Тульской области, крепостные сооружения в Выборге и Старой Ладогге. Надо сказать, что здесь работали

люди, имевшие хорошую профильную подготовку (профессиональные специалисты) в сфере недвижимых объектов культурного наследия, фанатично преданные своему делу по его реставрации и сохранению (от архитектуры до некрополей). Причем, аналогов такого типа общественных организаций (Обществ) в нашей стране не наблюдалось. Вне сомнения, ВООПиК делало огромную работу во благо сохранения и приумножения духовных ценностей российской культуры и имело высокий авторитет в стране (61, 103).

Важнейшим направлением его активной деятельности была работа с молодежью. В этой связи заметим, что молодежный сегмент был представлен не просто широко в деятельности общества, но и осуществлял широкой спектр работы по данному направлению. Интересно, что в структуре общества даже были группы, которые непосредственно участвовали в реконструкции объектов наследия. Так, скажем, в 1970-е гг. на базе объединения «Росреставрация» открылась «Школа молодых реставраторов».

Характерно также и то, что деятельность по реконструкции объектов была под надзором политики. Реконструировались только те памятники, которые должны были быть представлены обществу в ближайшее время, или во время каких-либо праздничных дней. Работа с памятниками (революционный, военный периоды) зависела от политической ситуации и идеологической составляющей в области политики. Общество находилось на принципах самоокупаемости и собственных средств. На данный момент прибыль ВООПиК поступает из взносов учредителей, пожертвований людей, которым не безразлична судьба их культурного достояния, а также спонсорство, которое к сожалению, не всегда легко найти.

Спад в деятельности Общества связан с падением силы его влияния, приходящегося на период XX столетия. Причем, до такой степени, что, как свидетельствуют исторические источники данного периода и архивы Общества, его Правление «удержалось на плаву» во многом благодаря выгодному столичному положению: сдаче в аренду помещений

находящегося в центре Москвы и принадлежащего ВООПиК здания, что позволило содержать штат, выпускать альманах и вести оргработу. (61, 111-113).

Повторимся еще раз, подчеркнув основное целеполагание ВООПиК и ключевую задачу, зафиксированную и прописанную в его Уставе. Там сказано, что таковыми является не просто сохранение, возрождение, но и (что крайне значимо для современной отечественной культуры и наследия) – активная и повсеместная популяризация объектов историко-культурного наследия Российской Федерации. Нужно ли уточнять, насколько благородной является подобная миссия? Полагаем, что, конечно, нет. Кроме того, не стоит забывать, что это был еще и важный авторитетный контролирующий орган (что не менее важно для его статусности).

Поэтому (с учетом изложенной аргументации) Общество как ключевая общественная структура, продолжает играть свою значимую и достаточно весомую роль, выполнять свои основные функции в системе охраны государственного культурного наследия России. На наш взгляд, это отрядный факт. Тем более, что сейчас оно сотрудничает с ключевыми государственными органами (речь, прежде всего, о Министерстве культуры и массовых коммуникаций РФ) и др. в отношении разработки векторных магистральных направлений совместной работы в деле охраны и приумножения национально-российского культурного достояния. Например, совокупная деятельность включает в себя целый ряд сегментов (они охватывают и грантовую, конкурсную деятельность; проведение разного уровня мониторингов недвижимости объектов наследия; здесь также присутствует и кадастровая область работы (причем, и на уровне отдельно взятых регионов РФ). Ну и, конечно же, образовательно-воспитательный и просветительский «фронт работы» в области сохранения и трансляции всего культурного отечественного наследия с его богатейшим духовно-нравственным потенциалом.

Разумеется, названные нами направления и сегменты не охватывают собой всего объема деятельности Общества и государственных структур, сопряженных с ним в вопросах культурного наследия РФ. На этом фоне мы считаем правомерным и разумным то обстоятельство, что, например, Закон РФ, принятый в 2002 г. не предписал Обществу (ВООПиК) важных полномочий на уровне государства, по сравнению с предыдущим Законом (1978 года)⁵ (2). Это, на наш взгляд, некоторый шаг назад в области государственного сотрудничества общественных организации и государства в рассматриваемой сфере.

Сегодня в структуре исполнительной власти основная роль в системе охраны и сохранения культурного наследия принадлежит такому объединительному органу, точнее, организации, как Российский Союз Исторических Городов и Регионов (или РОССИГР). Главная миссия Союза – концентрация усилий на проблеме возрождения и развития старинных исторических городов, сохранения их уникальной «старины» и «духа» исторической памяти, соответственно. Предполагается стратегическое и перспективное сотрудничество с органами государственной власти и местного самоуправления. То есть, это объединений усилий и ресурсов в области возрождения, реконструкции и развития исторических городов и регионов; также – издательская деятельность и проведение культурно-просветительских мероприятий, а также мероприятий по активизации участия местного населения в программах возрождения, реконструкции и развития исторических городов (61, 73-85). Примечательно, что уже сегодня внедряется практика фестивалей Союза Исторических Городов и Регионах (экспозиции материалов, демонстрирующих реальный потенциал исторических городов). (Хотя перед нами достаточно пока еще новое явление Союз исторических городов, работа которого проводится на столь высоком уровне. И это придает импульс продвижению политики в области

⁵ Речь идет о Законе РСФСР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» (когда ВООПиК имел ряд полномочий госорганов).

культурного наследия к новым горизонтам и новому качеству на общероссийском уровне).

Помимо Союза следует назвать также и Национальный Фонд «Возрождение русской усадьбы» (дата рождения – 2002 год; центральный издательский орган – «Жизнь в усадьбе», целью которого является опять-таки работа в области культурного российского наследия. Но на уровне (и со стороны издательской деятельности по пропагандированию и манифестированию данной актуальной темы) – культурное наследие, что, разумеется тоже не менее важно. Прерогатива Фонда состоит, например, в таких направлениях его деятельности, как: осуществление совместных выставочных проектов, посвященных культурному наследию; поддержка отечественных и зарубежных проектов, сферы туризма и пр. Фонд сотрудничает с рядом международных организаций того же профиля, активно устанавливает связи с государственными и общественными организациями по охране культурных объектов, тем самым увеличивая результативность своей деятельности (61, 89).

Определенного характера сложностей и проблем Фонда во многом связаны с отсутствием должного уровня профессионализма (компетентности) его членов. Как правило, в области законодательства по охране недвижимого культурного наследия, представляющих объекты культурного наследия, прежде всего, как раритетные, что вводит в заблуждение потенциального инвестора, не уведомленного в области налагаемых законодательством обременений в использовании недвижимых объектов культурного наследия. В самом деле, неотрегулированность имущественного вопроса, касающегося объектов культурного наследия (недвижимых памятников истории и культуры) в российском законодательстве затрудняет отношения между государством и инвесторами, что является основным камнем преткновения в их сфере деятельности.

Наконец, нельзя обойти и систему некоммерческих структур, участвующих в деле сохранения, охраны культурного наследия. Назовем,

например, в их ряду такую структуру, как Некоммерческое Партнерство «Русская усадьба» (2000 год – это дата ее образования) (она – предшественница Национального Фонда). Для справки скажем: «Русская усадьба» образована Институтом природного и культурного наследия РАН им. Д.С. Лихачева, Институтом развития Москвы и группой энтузиастов (67, 94).

Основная цель создания этой общественной практической организации – восстановление усадебных ансамблей, размещенных на территории Московского (более 690 объектов), в целом – всего центрального региона РФ (109). Работа ведется на уровне тесного диалога и «партнерского» и сотрудничества с Министерством культуры РФ и региональных органов исполнительной власти. Специалисты, заметим, уже приступили к работе по комплектованию исчерпывающей базы данных по такому типу культурным усадебным памятникам. Кроме того, уже создан каталог отечественных усадеб на территории России. Ито, на наш взгляд, хороший итог большой исторически- и архивной исследовательской работы по сбору и систематизации ценных для отечественной истории и культуры данных. Это своего рода мониторинг состояния старинных усадебных сооружений, благодаря чему информация может быть использована музейными работниками, преподавателями, специализирующиеся в данной области исследования. По Е.Н. Ярковой в настоящее время фонд продолжает составлять перечень усадеб. Так же данный фонд мало внимания уделяет рекламе, однако вовремя приводит отчеты по эффективно проделанной работе в анализе усадебных ансамблей. Фонд проводит политику делового содружества и сотрудничества с государственными властями, а, скажем, не конфликтную, а это позитивно сказывается на общем деле (130, 43-44).

Свою положительную и эффективную долю в вопрос сохранения отечественного культурного наследия, конечно же, вносят и волонтерские региональные общественные организации («общества волонтеров»).

Особо отметим, что 23 июля 2012 года была зарегистрирована Белгородская региональная общественная организация Историческое общество Ратник (БРОО «Историческое общество «Ратник»). Целью организации является: историко-патриотическая и историко-культурная деятельность, направленная на духовно-нравственное и культурное развитие населения, формирование патриотизма и любви к своему Отечеству, сохранение культурного наследия, возрождение национальных традиций, утраченных праздников, ремесел, сохранение памяти о великих исторических подвигах защитников Отечества, возрождение решающей роли православия в формировании Российского государства.

Организация осуществляет следующие виды деятельности: изучает историю развития Российского государства, историю создания и развития Белгородской области, выявляет культурно-исторические ценности, исторические места и памятники, содействует проведению их учета и охране, организует и участвует в мероприятиях по их восстановлению, реконструкции и сохранению, изучает национальные традиции Российского государства и Белгородской области, военно-исторические достижения российских армий, решающую роль православия в формировании Российского государства, проводит генеалогические исследования, осуществляет пропаганду культурного и духовно-нравственного развития, сохранения культурного наследия, возрождения национальных традиций, утраченных праздников, ремесел, патриотизма и любви к своему Отечеству, сохранения памяти о великих исторических подвигах защитников Отечества, возрождения решающей роли православия в формировании Российского государства, организует сельскую туристическую деятельность и туристическую деятельность по историческим местам, систематически изучает и прилагает творческие усилия в научных исследованиях и разработках в области общественных и гуманитарных наук.

«Историческое общество «Ратник» принимает участие в международных, федеральных, региональных программах, осуществляет

архитектурную деятельность с целью создания архитектурного объекта (здания, сооружения, комплекса зданий или сооружений, их интерьера, объектов благоустройства, ландшафтного или садово-паркового искусства), занимается деятельностью художников-оформителей, организует выставки, ярмарки, конгрессы, занимается деятельностью организаций, интересы членов которых сосредоточены на конкретной отрасли знаний или отрасли профессиональной практической деятельности, для чего распространяет информацию, устанавливает критерии практической деятельности и контролирует их соблюдение, представляет их интересы в государственных учреждениях и связи с общественностью, проводит культурные и развлекательные мероприятия и организует досуг, например обществ любителей истории и т. п., занимается прочей зрелищно – развлекательной деятельностью, занимается деятельностью библиотек всех видов, в том числе ведущих научную деятельность, читальных залов, лекториев, предоставляя услуги широкой публики или отдельным категориям граждан, в том числе занимается подбором специализированных и не специализированных документов, составляет каталоги, выдает и хранит книги, карты, периодические издания, фильмы, грампластинки, магнитные ленты, произведения искусства и т. п., содействует охране исторических мест и зданий, издает книги, брошюры, буклеты и аналогичные публикации, предоставляет прочие услуги в соответствии с уставными целями Организации, может участвовать в совещательных, координационных органах (советах, коллегиях, координационных совещаниях) при органах государственной власти и местного самоуправления по вопросам, связанным с уставными целями Организации, участвует в объединениях и союзах общественных организаций, осуществляет научно-внедренческую, редакционно-издательскую, учебно-методическую деятельности, осуществляет другие виды деятельности, не запрещенные законом.

Итогом нашего диссертационного исследования стала разработка учебно-тематического плана по курсу «Охрана культурного и природного наследия

России» (включающий в себя 6 лекционных и 8 семинарских занятий) (Прил.1).

Цель курса – рассмотреть механизм взаимодействия российского общества и историко-культурных памятников, а также обобщить уже имеющийся опыт в памятно-охранительной деятельности России.

Задачи курса:

- Рассмотреть методологические принципы отношения к культурному наследию.
- Ознакомить слушателей с деятельностью по охране и использованию памятников культурного значения.
- Освятить становление российской памятно-охранной деятельности в досоветский, постреволюционный и советский периоды;
- Проанализировать преимущества и недостатки современной российской политики в области охраны культурного наследия.
- Рассмотреть дальнейшие перспективы развития в области охраны культурного и природного наследия России.

Таким образом, в целом мы пришли к следующему обобщению относительно темы параграфа. В самом общем виде суть их такова.

Во-первых, нами была выявлена основная специфика структуры и деятельности общественных организаций (шире – движений), характерная для такого типа объединений, специализирующихся и участвующих в решении проблемы по охране и сохранению отечественного культурного наследия.

К ней относятся: текучесть состава (количественная подвижность) участников организаций и неопределенность границ; фрагментарность их территориального распространения и масштабов охвата деятельности; законодательная зависимость (ограничение (а то и запрет), контроль (вплоть до вмешательства) в деятельность со стороны государственных структур; отсутствие стабильности в финансировании со стороны государства; реализация своих целей, как правило, в научно-исследовательской,

мониторинговой, культурно-воспитательной и просветительской формах (и сферах) деятельности.

Во-вторых, мы одновременно указываем на проблемные места, сопряженные с противоречием между необходимостью оптимизации деятельности и концентрации усилий государственных и общественных структур в деле охраны культурного наследия, с одной стороны, и фактором недооценки со стороны российского общества значимой роли феномена культурного наследия как важнейшего фактора сохранения национальной идентичности и национальной государственности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование проблемы культурного наследия как ресурса российской цивилизации с позиции парадигмы сохранения социокультурной памяти, позволило нам подвести определенные итоги и сформулировать основные выводы.

Первая группа выводов связана с рассмотрением теоретико-методологических оснований философско-культурологических исследований процессов наследования культуры. (гл. 1 диссерт.).

На данном, теоретико-методологическом этапе, в русле поставленных задач, работы мы, во-первых, рассмотрели феномен «культурного наследия» в его историко-культурологическом измерении и выявили основные теоретико-методологические подходы к определению концепта «культурное наследие». В этой связи нами было проанализировано возникновение понятия «культурное наследие», начиная с античности и заканчивая современностью. Нами были определены и близкие ему категории, такие как: наследство, традиции, памятник, благодаря чему культурное наследие рассмотрено как информационная подсистема культуры, обладающая положительным зарядом и основанная на опыте предшествующих поколений.

Во-вторых, мы рассмотрели проблему «ценностей» и «оценки» культурного наследия и обосновали, что критерием отбора объектов культурного наследия является их ценность, которая подвергается переосмыслению в разные временные периоды.

По мере раскрытия данного вопроса нами было показано, что базовым (с полной уверенностью можно говорить – фундаментальным) основанием культурного наследия выступает объект культурного наследия, обладающий ценностью.

Исследование ценностно-оценочных категорий применительно к культурному наследию показывает, что человек как субъект ценности и культурного наследия оценивая объекты наследия, выполняет механизм

отбора, что определяет необходимые рамки в разнообразии элементов системы для успешного ее функционирования.

Заметим также, что работа с понятийным аппаратом, задействованным в диссертации, равно как и изученные классификации, позволили нам описать культурное наследие как многоаспектную междисциплинарную категорию.

Особое внимание мы обратили на то, что парадигма «охраны и сохранения культурного наследия (особенно применительно к «собственно российской культурной почве») находится в фокусе исследовательского интереса многих как зарубежных, так и отечественных специалистов. Причем, выявляя общую платформу имеющихся подходов и концепций, представленных различными точками зрения, мы пришли к выводу о том, что в принципе все они выражают парадигму, согласно которой культурное наследие в его многообразии является национальным достоянием – на протяжении всей культурно-исторической эволюции человечества. Данная мысль прослеживается нами как ведущая, будучи представленной нами в разделе («степень научной разработанности»). Надо сказать, – мы целиком и искренне разделяем данную позицию.

Вторая группа выводов и обобщений связана с проблемой интеграции культурного наследия в современный социокультурный контекст России. (гл. 2 диссерт.).

Здесь мы, во-первых, проанализировали концепт «культурное наследие» в условиях социокультурных трансформаций российского общества. И показали, что в условиях трансформации российского общества, характеризующейся ускорением протекания всех социальных процессов, у индивидуальной памяти остается не так много места, отношение к культурному наследию неизбежно изменяется, в связи с чем актуализируется задача изучить эти изменения.

Будучи социально и культурно-исторически значимой категорией, культурное наследие побуждает нас к более вдумчивому и глубокому его

осмыслению (и изучению). Особенно в плане понимания его роли в становлении идентичности российского общества, в поддержании стабильности и сохранности культурного многообразия России.

Помимо этого мы, сквозь призму сопоставления таких бинарных понятий как «память» и «забвение», отрефлектировали (то есть, осмыслили) ресурс культурного наследия, как непреложное условие формирования самосознания россиян, наших сограждан. Особую роль здесь мы по понятным причинам отводим молодежному сегменту российского общества, остановившись на феномене «культурная память» – как «архив поколений».

Во-вторых, нами было показано место, роль и значение феномена «культурного наследия», не просто как национального ресурса, но и выявлена его роль как действенного рычага поддержания стабильности и постоянства процессов общественной регуляции. Одновременно, ресурс культурного наследия является фактором формирования самосознания россиянина (особенно важным в период социальной и политической трансформации российского общества).

В этой связи мы намеренно указываем на тревожный симптом российского общества. Его суть состоит в том, что измененные потребности общества, взятые в совокупности с ценностным отчуждением, приводят к крайне негативным процессам «забвения» и «утраты памяти». А это, в конечном счете, грозит нам ассимиляцией в чуждой нам культуре и потерей собственной идентичности. Опасность такого рода последствий для нас совершенно очевидна. Поэтому мы предлагаем комплекс мер по предупреждению такой ситуации в российском обществе и в молодежной среде, в особенности.

Так мы подошли к результатам по завершающей, тетьей, части диссертационной работы, в эпицентре которой – проблема сохранения культурного наследия России (гл. 3 диссерт.).

В пространстве данного тематического поля мы акцентировали внимание на двух аспектах:

во-первых, на анализе государственной политики в области сохранения культурного наследия России, особую роль мы отвели современным процессам в данной сфере. Нами было показано, что охрана историко-культурного наследия является одной из важных и сложных задач, стоящих перед российским государством. На том основании, что речь идет о защите духовного и материального богатства, национального достояния как залога будущего успешного развития России. Основопологающим принципом государственно-правовой охраны культурного наследия России выступает системность, а государственная политика в этой сфере является выражением заботы государства о бесконфликтном, поступательном развитии общества.

И, во-вторых, мы постарались наиболее глубоко выявить и уяснить для себя роль и специфику системы общественных учреждений в охране культурного наследия России. Так как аспект рассмотрения деятельности организаций, специализирующихся на сохранении культурного наследия РФ, выявляется нами как один из актуальных в условиях сегодняшнего дня.

Кульминацией рассмотрения этого важного и чрезвычайно интересного для современности вопроса мы завершили собственными предложениями и рекомендациями, вытекающими из общего анализа этой проблемы. А так же разработали Учебно-тематический план по курсу «Охрана культурного и природного наследия России».

В процессе исследования мы пришли к важному заключению о том, что культурное наследие России, являясь основой организации символического пространства и опорой национального самосознания россиян, выступая важнейшим источником стратегического развития нашей страны, транслятором традиций, норм и ценностей поколений. А также тем самым – ключевым ресурсом конструирования российской идентичности.

Для его сбережения и приумножения необходима не только системная и эффективная государственная политика в отношении национального культурного достояния. (Это необходимое, но ...не достаточное условие сбережения культурного наследия). На наш взгляд, необходим переход к

новой парадигме понимания феномена «культурное наследие», причем, как говорится, «здесь и сейчас» (данную мысль, в принципе, мы раскрываем в процессе всей работы). – Таково наше глубокое убеждение, которое мы постарались обосновать всем ходом нашей диссертационной работы. Если, конечно, мы не хотим оказаться «на обочине» современной информационной цивилизации, и столкнуться «лицом к лицу» перед угрозой потери национальной (прежде всего, – духовной) безопасности России.

В целом же, мы постарались наиболее полно реализовать основную цель диссертационного исследования. А именно – выявили и репрезентовали возможности развития культурного наследия с позиции его анализа, как актуального ресурса российской цивилизации. (В том числе и в условиях современных социокультурных коллизий и трансформаций российского общества).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Декларация прав культуры (проект) [Текст]. – СПб.: ГУП, 2000. – 20.
2. Об объектах культурного наследия народов Российской Федерации: Федеральный закон [Текст] // Наследие народов РФ, 2002. – №1. – С. 38-51.
3. Абичев, С.К. Концепции современного естествознания [Текст]: лекционный курс в 2 ч. / С.К. Абичев. – Балашиха: Оригинал, 1998. – Ч. 1. –152 с.
4. Абичев, С.К. Концепции современного естествознания [Текст]: лекционный курс в 2 ч. / С.К. Абичев. – Балашиха: Оригинал, 1998. – Ч. 2. –192 с.
5. Анохин, С.В. О концепте «поколение» [Текст] // Социально-гуманитарные знания, 2003. –№2. – С. 302–303.
6. Аристотель. Риторика Электронный ресурс: философия от античности до современности [Текст] / Аристотель – Электрон, дан. – М.: Издательство «Директмедиа Паблишинг», 2003. –Т. 9. –385 с.
7. Аршинов, В.И. Коммуникативная парадигма постнеклассического познания [Текст] / В.И. Аршинов, Я.Н. Свирский // Философские науки, 2007. –№ 6. – С.27.
8. Ассман, Я. Культурная память: Письмо. Память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности [Текст] / Перевод с нем. М.М. Сокольской. –М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368с.
9. Астафьева, О.Н. Концептуальные основания культурной политики: от теории к практике [Текст] / О.А. Астафьева. Режим доступа: http://mkrf.ru/upload/mkrf/mkdocs2013/06_02_2013_14.pdf (дата обращения 15.04.2016.)
10. Бабекин, И.В. Культура: управление, экономика, право [Текст] / И.В. Бабекин. – М., 2012. – № 1. – 48 с.
11. Баллер, Э.А. Социальный прогресс и культурное наследие [Текст] / Э.А. Баллер. – М.: Наука, 2007. – 225 с.

12. Библер, В.С. От наукоучения – к логике культуры [Текст] / В.С. Библер. – М.: Политиздат, 1990. – 413 с.
13. Белов, А.Н. Бытование художественных промыслов в современном культурном пространстве. [Текст] / Т.А. Фетисова // Культурология: дайджест / РАН, ИНИОН, 2014. – № 3. – 132 с.
14. Бердяев, Н.А. О человеке, его свободе и духовности [Текст] / Н.А. Бердяев – М., 1999. – 200 с.
15. Берк, П. Историческая антропология и новая культурная история. [Текст] / П. Берк // НЛО. 2005. – № 75 [Электронный ресурс]: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/75/ne5.html>
16. Берк, П. Что такое культурная история? [Текст] / П. Берк, пер. Полонская И., под. ред. Янушкевич М. // Исследования культуры. – М.: Издательский Дом ВШЭ, 2015. – 240 с.
17. Бетехтин, А.В. Историко–культурные заповедники Челябинской области [Текст] / А. В. Бетехтин // Культура: управление, экономика, право, 2011. – № 3. – С.6.
18. Богданов, С.В. Военно–историческая реконструкция и сохранение культурного наследия России [Текст] / С. В. Богданов // Вопросы культурологии., 2014. – № 3. – С.28–31.
19. Боголюбова, Н.М. Охрана культурного наследия: [международный и российский опыт] [Текст] / Н. М. Боголюбова, Ю. В. Николаева // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств., 2014. – № 4(21). – С.6–13.
20. Большая Российская Энциклопедия – [Электронный ресурс] <http://knowledge.su/к/kemi-obinskaya-kultura>
21. Borisovskaya, I.V. *Experientia est optima magistra: Collected papers of / Editor-in-Chief: A.A. Kolesnikov, E.A. Ogneva, I.V. Borisovskaya.* – Belgorod: ПН «Belgorod», 2015. – 272 p.

22. Borisovskaya, I.V. *Experientia est optima magistra: Collected papers of / Editor-in-Chief: E.A. Ogneva, I.V. Borisovskaya.* – Belgorod: ИПЦ «ПОЛИТЕРРА», 2016. – 182 с.
23. Бросова Н.З. Философские интуиции «Вех» в идейном горизонте современной России (статья) // «Феномен философской критики в культуре русского Серебряного века», посвященной 100-летию выхода сборника статей о русской интеллигенции «Вехи». Материалы научно-теоретической конференции. Киев 2009. – С. 171-177.
24. Боэций, С. Утешение философией и другие трактаты. [Электронный ресурс]: философия от античности до современности [Текст] / С. Боэций — Электрон, дан. – М.: Издательство «Директмедиа Паблишинг», 2003. – Т. 9. –180 с.
25. Бурден, А. Культурное наследие и экономика [Текст] / А. Бурден // Ориентиры культурной политики. – М., 2000. – №3. – С. 198.
26. Быстрова, Т.Ю. Экспертиза объекта культурного наследия как компетенция магистра культурологии: практика формирования кейса [Текст] / Т.Ю. Быстрова // Вопросы культурологии, 2012. – № 11. – С.33–39.
27. Ватаман, В.П. Мемориальный музей в культурном пространстве региона [Текст] / В.П. Ватаман // Современные проблемы сервиса и туризма, 2014. – № 4. – С.68–74.
28. Веденин, Ю.А. Современные проблемы сохранения наследия [Текст] / Ю.А. Веденин // Культурное и природное наследие в региональной политике: Тезисы докладов республиканской научно-практической конференции. — Ставрополь: Изд-во СГУ, 1997. – С.105.
29. Вико, Дж. Основание новой науки о природе наций [Текст]. / Пер. с итал. – М.; Киев: «REFLbook»–«ИСА», 1994. – 656 с.
30. Выжлецов, Г.В. Аксиология культуры монография [Текст] / Г.В. Выжлецов. СПб ун–т, 1996. – 152 с

31. Галкова, О.В. Развитие концепции исторического города в документах международных организаций ЮНЕСКО и ИКОМОС [Текст] / О. В. Галкова, В. В. Глазунов // Вопросы культурологии, 2015. – № 2. – С.64–71.
32. Гегель, Г.В.Ф. Эстетика [Текст]: в 4 т / Г.В.Ф. Гегель. – Т. 2.: Эстетика. – М.: Издательство «Искусство», 1969. – С.267
33. Гегель, Г. Письма [Текст]. Перевод Ц.Г. Арзаканьяна и А.В. Михайлова // Г. Гегель. Работы разных лет / Состав., общ. ред. А.В. Гулыгин. В 2 т. М.: «Мысль», 1971. – Т. 2. – 668 с.
34. Гердер, И.Г. Идеи к философии истории человечества [Текст] / И.Г. Гердер. – М.: Наука, 1977. – 703 с.
35. Даль, В.И. Толковый словарь русского языка: современная версия [Текст] / В. И. Даль. – М.: ЗАО ЭКСМО – Пресс, 2000. – 407с.
36. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому [Текст] / Н.Я. Данилевский. – М.: Прогресс, 1991. – 245 с.
37. Делокаров, К.Х. Познание социальных трансформаций [Текст] / К.Х. Делокаров // Синергетическая парадигма. – М.: Прогресс–Традиция, 2003. – С.470
38. Житенёв, С.Ю. Управление объектами культурного наследия: научные, методологические и практические аспекты [Текст] / С.Ю. Житенёв // Вопросы культурологии, 2015. –№ 7. –С.18–28.
39. Жукова, О.А. Границы России: культурный универсализм В. В. Вейдлен [Текст] / О.А. Жукова // Философские науки, 2015. –№ 7. – С.14–27.
40. Зеньковский, В.В. Древнегреческая философия [Текст] / Ф.Ф. Зелинский. Древнегреческая философия. – М.: СИНТО, 1993. – 128 с.
41. Зильберштейн, И.С., Самков, В.А. Константин Коровин вспоминает... [Текст] / Зильберштейн И.С., Самков В.А. – М.: Изобразительное искусство, 1990. – 708 с.
42. Иванов, В.И. Собрание сочинений [Электронный ресурс]. – Т. 2. – Брюссель, 1974. – 871 с. Режим доступа: URL:

http://rvb.ru/ivanov/1_critical/1_brussels/toc_vol_2.htm (дата обращения: 20.01.2016).

43. Иванов В.В., Топоров В.Н. Перун. Изменчивые контуры наследия [Текст] / В.В. Иванов, В.Н. Топоров. – М.: Эллис Лак, 1995. – С. 305–306.

44. Йейтс, Ф. Искусство памяти [Текст] / Ф. Йейтс. – СПб.: Фонд поддержки науки и образования «Университетская книга», 1997. – 480с.

45. Кант, И. Критика чистого разума [Текст] / И. Кант. – Минск: Литература, 1998. – 960 с.

46. Каган, М.С. Философская теория ценностей [Текст] / М.С. Каган – СПб.: Петрополис, 1996 – 205 с.

47. Казаря, Р. Дорога к храму... [Текст] / Р. Казаря // Клуб, 2014. – № 10. – С.6–7.

48. Капустин, М.П. История мировой культуры. Древность [Текст] / М.П. Капустин. – М., 2000. – 200 с.

49. Карсаевская, Т.В. Три типа межпоколенных отношений-три образа мира // преемственность поколений: диалог культур. [Текст] Вып. 2 – СПб., 1996. – С. 165–167

50. Козлова, И.В. Российский каталог нематериального культурного наследия [Текст] / И.В. Козлова // Дом культуры, 2010. – № 12. – С.26–28.

51. Кон, И.С. В поисках себя. Личность и её самосознание. [Текст] – М.: Политиздат, 1984. – 151 с.

52. Кон, И.С. Социология личности [Текст]. – М.: Политиздат. 1967. – 383 с.

53. Кондаков, И.В. Самосознание культуры на рубеже тысячелетий [Текст] // Общественные науки и современность / И.В. Кондаков, 2001. – №4. – С. 138.

54. Коровин, К.А. То было давно... там... в России...: Воспоминания, рассказы, письма. В 2 кн. [Текст] / Коровин К.А. – М.: Русский путь, 2010. – Кн. 1. – 2012. – 752 с.

55. Коровин, К.А. То было давно... там... в России...: Воспоминания, рассказы, письма. В 2 кн. [Текст] / Коровин К.А. – М.: Русский путь, 2010. – Кн. 2., 2012. – 848 с.

56. Князева, Е.Н. Культурное мировидение [Текст] / Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов. – М.: Ком Книга, 2005. – 240 с.
57. Кнабе, Г.С. Древний Рим – история и повседневность [Текст] / Г.С. Кнабе. – М., 1986. – 164 с.
58. Комаров, В.М. Традиции и исторический процесс [Текст] / В.М. Комаров. Российская Академия управления – М.: Луч, 1994. – 150 с.
59. Кравченко, А.И. Культурология [Текст]: словарь / А.И. Кравченко. – М.: Академический проект, 2000. – 671 с.
60. Кринко, Е.Ф. Памятник на площади: жизнь в тени праздника [Текст] / Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина // Современные проблемы сервиса и туризма, 2014. – № 3. – С.27–35.
61. Культурное наследие Российского государства: прошлое и современность, ученые и политики об историческом и культурном достоянии [Текст] / сост. А.Н. Кирпичников. – СПб.: Вести, 2000. – 189 с.
62. Кусжанова, А.Ж. Проблемы классификации и взаимодействия интересов [Текст] / А.Ж. Кусжанова // Credo. – Оренбург, 2000. – № 5. – С. 34–46.
63. Лапин, Н.И. Ценности социальных групп и кризис общества [Текст] / Н.И. Лапин. – М.: ИФАН, 1991. – 152 с.
64. Лебон, Г. Психология народов и масс. [Текст] – СПб.: Макет, 1995. – 311 с.
65. Лисицкий, А.В. Культурное наследие как ресурс устойчивого развития [Текст]: дис. канд. Культурологии / А.В. Лисицкий. – М., 2004. – 151 с.
66. (102) Лихачев, Д.С. Раздумья о России [Текст] / Д.С. Лихачев. – СПб., 1999. – 304 с.
67. Лихачев, Д.С. Экология [Текст] // Памятники отечества. Альманах всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, 1980. – 32 с.
68. Локтева, М.С. Туризм как сфера социально-культурной деятельности. [Текст] / М.С. Локтева // Вестник Южно-Уральского государственного

университета. Образование, здравоохранение, физическая культура, 2006. – № 16 – С.119–123.

69. Лосский, В.Н. Очерк мистического богословия Восточной церкви [Электронный ресурс]: философия от античности до современности / В.Н. Лосский – Электрон, дан. – М.: Издательство «Директмедиа Пабблишинг», 2003. –Т. 9. – 348 с.

70. Лотман, Ю.М. Семиосфера [Текст] / Ю.М. Лотман. Семиосфера. – СПб.: Искусство–СПб, 2001. – 704 с.

71. Любичанковский, А.В. Классификация объектов культурного наследия [Текст] / А.В. Любичанковский // CREDONEW: теорет. журнал. – Режим доступа: <http://credonew.ru>. (дата обращения 17.02.2016.)

72. Максакова, Л.В. Спасение культурных ценностей в годы Великой Отечественной войны [Текст] / Л.В. Максакова. – М.: Наука, 1990. –131 с.

73. Маковецкий, Е.А. Подражание идеологии: парадоксы культурного наследия [Текст] / Е.А. Маковецкий // Вопросы культурологии, 2012. – № 3. – С.54–59.

74. Мацумото, Д. Психология и культура [Текст]. – СПб.: Питер, 1-е издание, 2003, – 720 с.

75. Мельник, В.В. Социокультурное пространство [Текст]: монография / В.В. Мельник. – Пермь: Вектор Бук, 2001. – 148 с.

76. Миронова, Т.Н. Наследие как социокультурный феномен [Текст] / Т.Н. Миронова // Вопросы культурологии, 2013. –№ 12. – С.94–98.

77. Моисеев, Н.Н. Человек и ноосфера [Текст] / Н.Н. Моисеев. – М.: Молодая гвардия, 1990. – 351 с.

78. Музыка, О.А. Ценностно-оценочный фактор культурного наследия 2006 [Текст] / О.А. Музыка // Электронная библиотека по философии. – Режим доступа: <http://filosof.historic.ru>. (дата обращения 16.12.2015.)

79. Назаретян, А.П. Смыслообразование как глобальная проблема современности [Текст] / А.П. Назаретян // Вопросы философии, 2009. – № 5. – С. 3–19.

80. Наследие великой культуры [Текст] // Дом культуры, 2013. – № 10. – С.32–35.
81. Николаева, Н.В. Систематизация объектов наследия [Текст] / Н.В. Николаева // Материальная база сферы культуры: науч.-информ. Сб. Вып. 1. –М.: РГБ, 2000. – С. 73–100.
82. Ницше, Ф. По ту сторону добра и зла [Электронный ресурс]: философия от античности до современности / Ф. Ницше. – Электрон, дан. – М.: Издательство «Директмедиа Пабблишинг», 2003. – Т. 9. – 371 с.
83. Николаева, Н.В. Ландшафтный подход в сохранении наследия [Текст] / Н.В. Николаева // Обсерватория культуры, 2004. – № 3. С. 71–78.
84. Новолодская, С.Л. Дефиниция понятий «поликультурный» и «мультикультурный». / С.Л. Новолодская, а // Вектор науки ТГУ, 2012. – №1(8) – С.234-237. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/definitsiya-ponyatiy-polikulturnyy-i-multikulturnyy.pdf>. – (Дата обращения: 15.02.2016)
85. Нора, П. Франция-память [Текст] / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999, – 328 с.
86. Пархоменко, Т.А. Русское культурное присутствие в мире: к вопросу о создании энциклопедии «Российское культурное наследие за рубежом» [Текст] / Т.А. Пархоменко // Вопросы культурологии, 2015. – № 7. – С.12–17.
87. Переслегин, Н.В. Марфо-Мариинская обитель милосердия в Москве в контексте охраны памятников архитектуры, 1991 [Текст] / Н.В. Переслегин. – М., 2014. –№3 (59). – С. 83–87.
88. Перевозчиков, В.И. Археологическому музею–заповеднику "Танаис" 50 лет [Текст]: [Ростов. обл.] / В. И. Перевозчиков // Культура: управление, экономика, право, 2011. – № 3. – С.10–14.
89. Полякова, М.А. Охрана культурного наследия России [Текст] / М.А. Полякова. – М.: Дрофа, 2005. – 271 с.

90. Пуликова, И.В. Оценка и экспертиза произведений искусства [Текст] / И.В. Пуликова // Справочник руководителя учреждения культуры, 2014. – № 8. – С.76–80.
91. Распоряжение правительства РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://government.ru/media/files/XnNawtIgNdGfkAMwq9cweD5tE4N6miAy.pdf>
92. Рассолова, И.В. Социальная идентификация личности в условиях трансформации современного российского общества [Текст] / И.В. Рассолова. – М., 2006. – 62–63с.
93. Рикёр, П. Память, история, забвение [Текст] / Пер. с франц. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. – 728с.
94. Риккерт, Г. Науки о природе и науки о культуре [Текст]: культурология XX века. Антология / пер. М.Е. Зингера. Под ред. С.И. Гессена – М.: Гардарики, 1995. – С. 69–103.
95. Русская философия. Малый энциклопедический словарь [Текст] / Отв. Ред. А.И. Алешин. – М.: Наука, 1995. – 624 с.
96. Рюзен, Й. Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) [Текст] // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 7. М., 2001. – С. 392
97. Самохина, И.А. Феномен культурной памяти: от забвения к мемориализации / И.А. Самохина // Культура. Политика. Понимание [Электронный ресурс] / сост. А.П. Кривец, М.В. Коваленко, В.Е. Пеньков. – Белгород, 2015. – Режим доступа: http://unid.bsu.edu.ru/unid/res/meropr/detail.php?IBLOCK_ID=104&SECTION_ID=1163 &ELEMENT_ID=31575
98. Сакаев, Р.Р. Ценности в период Российских реформ: социально-философский анализ [Текст]: автореф. дисс. канд. философ, наук / Р.Р. Сакаев. – М.: [б. и.], 2002. – 22 с.
99. Сапанжа, О.С. Основы музейной коммуникации [Текст] / О.С. Сапанжа, –СПб., 2007. – С.5

100. Сахно, А.А. Сокровища коллекций усадьбы "Мураново" [Текст] / А.А. Сахно // Современные проблемы сервиса и туризма, 2015. – № 2. –С.112–118.
101. Степанов, М.А. Археология медиа: нематериальность наследия [Текст] / М. А. Степанов // Вопросы культурологии, 2015. –№ 7. –72 с.
102. Соколов, В.В. Средневековая философия [Текст] / В.В. Соколов. – М.: Высш. Школа, 1979. – 448 с.
103. Соловьев, В.С. Оправдание добра. Нравственная философия [Электронный ресурс]: философия от античности до современности [Текст] / В.С. Соловьев. – Электрон, дан. – М.: Издательство «Директмедиа Пабблишинг», 2003. –Т. 9. – 1227 с.
104. Солоухин, В.А. Черные доски [Текст] / В. А. Солоухин. – М.: Издательство «Советская Россия», 1972. – 42 с.
105. Слобцова, С.И. Сохранение культурного наследия как составляющая региональной культурной политики [Текст] / С.И. Слобцова // Вопросы культурологии, 2013. – № 5. – С.78–81.
106. Словарь философских терминов [Текст] / Научная редакция профессора В.Г. Кузнецова. – М.; Инфра-М, 2004. – 731 с.
107. Сырицына, А.А. Предпосылки и принципы сохранения этнокультурного и исторического наследия донского казачества на территории большой излучины Дона [Текст] / А.А. Сырицына. – М.:2014. – №6. – С. 92–94.
108. Туркина, В. Г. Синергия города [Текст]: монография / В. Г. Туркина; Упр. культуры Белгородской обл., Белгородский гос. ин-т культуры и искусств. - Белгород: [б. и.], 2011. - 111 с
109. Управление культурными ландшафтами и иными объектами историко-культурного наследия в национальных парках [Текст] / М.Е. Кулешова. – М.: Центр дикой природы, 2002. – 46 с.
110. Федоров, Н.Ф. Из философского наследия (Музей и культура) [Текст] / Н.Ф. Федоров. – М.: 1995. – 318 с.

111. Фетисова, Т.А. Проблема сохранения нематериального наследия [Текст] / Т.А. Фетисова // Культурология: дайджест / РАН, ИНИОН, 2013. – № 4(67). – С.168–170.
112. Филипповых, Д.Н. Сохранение отечественного культурно-исторического наследия за рубежом в современных условиях [Текст] / Д.Н. Филипповых // Вопросы культурологии, 2014. – № 4. – С.8–13.
113. Флоровский, Г.В. Из прошлого русской мысли [Электронный ресурс]: философия от античности до современности / Г.В. Флоровский. – Электрон, дан. – М.: Издательство «Директмедиа Паблишинг», 2003. – Т. 9. – 413 с.
114. Флиер, А.Я. Культурология для культурологов [Текст]: учеб. пособ. / А.Я. Флиер. – М.: Академ, проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2002. – 492 с.
115. Франк, С.Л. Духовные основы общества [Электронный ресурс]: философия от античности до современности / Л.С. Франк. – Электрон, дан. – М.: Издательство «Директмедиа Паблишинг», 2003. –Т. 9. – 398 с.
116. Хальбвакс, М. Коллективная и историческая память [Текст] // Неприкосновенный запас, 2005. –№2–3. –С. 41
117. Хоруженко, К.М. Культурология [Текст]: Энциклопедический словарь / К.М. Хоруженко. – Ростов–на–Дону: Феникс, 1997. – 640 с.
118. Шапарина, Е.В. Современная жизнь музеев. Программы и праздники в усадьбе "Мураново" [Текст] / Е.В. Шапарина // Современные проблемы сервиса и туризма, 2015. – № 2. – С. 125.
119. Шацкий, Е. Утопия и традиция [Текст] / Е. Шацкий. – М.: Прогресс, 1990. – 456 с.
120. Шевченко, И.В. Традиционная народная культура как условие сохранения культурной идентичности в современном обществе [Текст] / И.В. Шевченко // Философия и культура, 2014. – № 9. – С.1298–1303.
121. Шкловский, В. «Искусство как прием» [Текст], сб. «Поэтика», –М., 1919. – 345 с.

122. Шолохов, А.М. Сотрудничество библиотек и музеев: культурное наследие и смыслы, устремленные в будущее [Текст] / А.М. Шолохов // Библиотекосведение, 2014. – № 5. – С. 1–7.
123. Шулындин, Б.П. Российский менталитет в сценариях перемен [Текст] / Б.П. Шулындин // СоцИС, 1999. – № 12. – С. 51–52.
124. Цицерон, М.Т. Эстетика: Трактаты. Речи. Письма [Текст] / М.Т. Цицерон. – М.: Ладомир, 1994. – С. 62.
125. Чаадаев, П.Я. Философические письма [Электронный ресурс]: философия от античности до современности / П.Я. Чаадаев. – Электрон, дан. – М.: Издательство «Директмедиа Паблишинг», 2003. – Т. 9. – 234 с.
126. Чайковская, М.А. На страже культурного наследия [Текст]: [деятельность Росохранкультуры] / М.А. Чайковская // Культура: управление, экономика, право, 2011. – № 3. – С.31–32.
127. Электронная энциклопедия. – Культурная история в энциклопедии Universalis. [Электронный ресурс]
<http://www.universalis.fr/encyclopedie/histoire-domaines-et-champs-histoire-culturelle>
128. Энгельс, Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства [Текст] / Ф. Энгельс. – М.: Госполитиздат, 1952. – 192 с.
129. Эрн, В.Ф. Сочинения [Электронный ресурс] / В.Ф. Эрн. – Электрон, дан. – М.: Правда, 1991. – 576 е. – 1 электрон, опт. диск (CD-ROM).
130. Яркова, Е.Н. Утилитаризм как стимул самоорганизации культуры и общества [Текст] / Е.Н. Яркова // Общественные науки и современность, 2002. – № 2. – С.102.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Приложение 1

Учебный курс «Охрана культурного
и природного наследия России»

Учебно-тематический план

№ п/п	Наименование разделов	Всего часов	Из них:		
			Лекции	Семинары	Др. виды (практи- кумы, деловые игры и др.)
1	Вводная лекция.	2	2		
2	Памятниковедение.	2	2		
3	Становление памятниковедения как научной отрасли знания	2	2		
4	Понятие «Культурное наследие»	2	2		
5	Определение и классификация памятников	2	2		
6	Качественные характеристики памятников: признаки, свойства, функции	2	2		
7	Становление российской памятнико-охранной деятельности в досоветский период	4		4	
8	Охрана памятников в постреволюционный период	4		4	
9	Охрана памятников в Советской России	4		4	

10	Современное законодательство об охране культурного наследия в России	4		4	
	Всего по курсу:	28	12	16	
	Формы контроля: зачет				

Цель курса - рассмотреть механизм взаимодействия российского общества и историко-культурных памятников, а также обобщить уже имеющийся опыт в памятнично-охранительной деятельности России.

Задачи курса:

- Рассмотреть методологические принципы отношения к культурному наследию.
- Ознакомить слушателей с деятельностью по охране и использованию памятников культурного значения.
- Освятить становление российской памятно-охранной деятельности в досоветский, постреволюционный и советский периоды;
- Проанализировать преимущества и недостатки современной российской политики в области охраны культурного наследия.
- Рассмотреть дальнейшие перспективы развития в области охраны культурного и природного наследия России.

Содержание курса

РАЗДЕЛ I. ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Перечень лекционных занятий

Название лекции	Краткое содержание	Всего часов
Вводная лекция	Цели, задачи и структура курса. Разделы и содержательные блоки курса. Учебная, основная и дополнительная литература.	2
Тема 1.1 Памятниковедение	Памятниковедение как прикладная научная дисциплина и ее место в системе гуманитарного знания. Роль и задачи специалистов исторического профиля в охране культурных памятников. Необходимость изучения и	2

	использования памятников. Гуманистическая роль охраны памятников. Благотворная роль деятельности по охране и использованию памятников на историческое и культурное просвещение народа. Методологические принципы отношения к культурному наследию.	
Тема 1.2. Становление памятниковедения как научной отрасли знания	Оформление охраны историко-культурного наследия в России. Роль памятников в жизни общества. Теоретическая база в области памятниковедения. Деятельность В.Н. Татищева и М.В. Ломоносова. Появление в печати и обсуждение памятниковедческих проблем. Просветительская деятельность Н.И. Новикова и его попытка мировоззренческого объяснения роли памятников в обществе. Выработка основных, общих теоретических, принципов отношения к историко-культурному наследию в досоветской, советской и постсоветской России. Неразрывная связь времен: прошлое, настоящее, будущее.	2
Тема 1.3. Понятие «Культурное наследие»	Понятие культурного наследия в историко-культурологическом измерении, позиции различных авторов: С.П. Мамонтова, Ю.М. Лотмана, Э.Б. Баллера, А.И. Кравченко, Д.С. Лихачева, Н.Е. Кулешовой, Ю. М. Веденина. Противопоставление понятий традиция-новация. Определение близких понятий: наследство, традиции, памятник. Рассмотрение объекта культурного наследия. Классификации культурного наследия Е.Л. Иванова и Н.В. Николаева. Критерии для классификации культурного наследия - в соответствии с характером его использования. Функция культурного наследия в повседневной жизни общества.	2
Тема 1.4. Определение и классификация памятников	Эволюция понятия памятник, рассмотрение данного понятия в документах государственного образца. Роль памятников для культурного наследия. Памятник как опредмеченная историческая память человечества. Понятие памяти и забвения. Формирование самосознания в обществе. Классифицирование памятников,	2

	критерии для классификации. Цели и задачи охраны памятников культурного значения. Выявление. Учет памятников культурного значения.	
Тема 1.5. Качественные характеристики памятников: признаки, свойства, функции	Признаки отличительные приметы внешнего характера, по которым памятник отличается от других объектов: материальность, антропогенность, недвижимость. Материальность – это объективность реального существования его материальной субстанции, выраженная в способности воздействовать на органы чувств (рецепторы) человека. Антропогенность. По этому признаку к памятникам относится только та часть материальных объектов, которые произошли в результате человеческой деятельности. Недвижимость памятника. Относительность данного признака.	2

РАЗДЕЛ II.

ИСТОРИЯ ОХРАНЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В РОССИИ

Перечень практических занятий (семинаров)

Тема 2.1. (Семинар 1). Становление российской памятнико-охранной деятельности в досоветский период (2 часа)

XVI-XVII вв. как начальный этап в области сохранения культурного наследия. Появление первых специализированных государственных структур в области охраны культурных памятников страны. Роль пассионариев в области охраны культурного наследия России. Времена правления Петра I и Екатерины II (появление кунсткамеры). Включение общественности в изучение и сохранение культурного наследия. Развитие частного коллекционирования. «Фиксационный период». Перепланировка городов. Научные экспедиции. Проявление интереса общественности к фольклору.

Тема 2.1. (Семинар 2). Становление российской памятнико-охранной деятельности в досоветский период (2 часа)

Появление первого списка (реестра) древних памятников культуры. Проект закона об охране культурных ценностей. Роль графа А.С. Уварова. Участие прессы в вопросах сохранения культурного наследия. Школы реставрационной деятельности (Грабаря, Султанова, Сулова, Рихтера). Становление системы культурного наследия, включающей в себя памятник, традицию, культурный ландшафт. Революционные настроения. Роль Временного правительства. Переправление культурных ценностей за границу.

Тема 2.2. (Семинар 3). Охрана памятников в постреволюционный период (2 часа)

Переход к новой системе ценностей, «утрата памяти». Демонтаж памятников. Конец 20-х - начало 30-х годов XX в. пик процесса разрушения культурного наследия, под воздействием государственной политики. Слабое финансирование в области охраны культурного наследия. Сдача в аренду музейных площадей.

Тема 2.2. (Семинар 4). Охрана памятников в постреволюционный период (2 часа)

В 1932 году формирование Межведомственного комитета. Антирелигиозная пропаганда, гонения деятелей культуры. Дифференциация памятников по категориям. Продажа музейных коллекций. Остановка деятельности обществ в области науки. Нерациональное использование большей части объектов культурного наследия.

Тема 2.3 (Семинар 5). Охрана памятников в Советской России (2 часа)

Учет и описание разрушений во время ВОВ. Создание и деятельность научных и научно-методических центров. Участие СССР в сохранении историко-культурного наследия. Усиление формальности и казенности в памятно-охранительной работе. Создание новых музеев. Памятно-охранительные и реставрационные работы.

Тема 2.3 (Семинар 6). Охрана памятников в Советской России (2 часа)

Патриотические попытки перестройки охраны и использования историко-культурного наследия во второй половине 80-х годов. Постановление ЦК КПСС 1987 г. «О работе Всероссийского общества охраны памятников» – последняя попытка идеологического давления. Попытки оживления памятно-охранительного дела в «застойный период» и годы перестройки. Приватизация памятников культурного наследия. «Практика макета».

Тема 2.4 (Семинар 7). Современное законодательство об охране культурного наследия (2 часа)

Культурное наследие как механизм социокультурного развития. Институт культурного и природного наследия. Государственный реестр (список) объектов культурного значения. Федеральный закон «Об объектах культурного наследия...» Роль общественных организаций в области сохранения культурного наследия (ВООПИК, РОССИГР, РФК).

Тема 2.4 (Семинар 8). Современное законодательство об охране культурного наследия (2 часа)

Разделение объектов культурного значения на: памятники, ансамбли и достопримечательные места. Застройка исторических городов. Принцип системности в государственно-правовой охране культурного достояния России. Действие федерально-целевых программ. Преимущества и недостатки современной политики в области охраны культурного наследия.

Вопросы для зачета

1. Предмет и задачи памятниковедения.
2. Гуманистическая роль охраны памятников
3. Эволюция понятия «Культурное наследие»
4. Деятельность В.Н. Татищева и М.В. Ломоносова.
5. Просветительская деятельность Н.И. Новикова и его попытка мировоззренческого объяснения роли памятников в обществе.
6. Роль понятий традиция-новация в области культурного наследия.
7. Классификации культурного наследия Е.Л. Иванова и Н.В. Николаева.
8. Эволюция понятия «памятник культуры».
9. Понятие «памяти» и «забвения».
- 10.Классифицирование памятников, критерии их классификации.
- 11.Цели и задачи охраны памятников культурного значения. Выявление. Учет
- 12.Недвижимость памятника. Относительность данного признака.
- 13.XVI-XVII вв. как начальный этап в области сохранения культурного наследия.
- 14.«Фиксационный период».
- 15.Первый проект закона об охране культурных ценностей. Роль графа А.С. Уварова.
- 16.Революционные настроения. Роль Временного правительства в области охраны памятников культурного наследия.
- 17.Школы реставрационной деятельности (Грабаря, Султанова, Сулова, Рихтера).
- 18.. Конец 20-х - начало 30-х годов XX в. Демонтаж памятников культуры.
- 19.Создание и деятельность научных и научно-методических центров во время ВОВ.
- 20.Охрана и использование историко-культурного наследия во второй половине 80-х годов
- 21.Участие СССР в сохранении историко-культурного наследия.
- 22.Попытки оживления памятнично-охранительного дела в «застойный период» и годы перестройки.
- 23.Приватизация памятников культурного наследия. «Практика макета».
- 24.Роль Института культурного и природного наследия.
- 25.Формирование Государственного реестра (списка) объектов культурного значения.
- 26.Роль общественных организаций в области сохранения культурного наследия (ВООПИК, РОССИГР, РФК).

27. Формальности и казенности в памятно-охранительной работе.
28. Принцип системности в государственно-правовой охране культурного достояния России.
29. Действие федерально-целевых программ в области охраны памятников культурного значения.
30. Преимущества и недостатки современной политики в области охраны культурного наследия.

Вопросы для самопроверки

1. Что можно назвать памятником
2. Отличительные приметы внешнего характера, по которым памятник отличается от других объектов
3. Какие свойства памятников принято выделять.
4. Памятники – подлинники и памятники символы. Отличие получаемых от них знаний.
5. Функции памятников
6. Значение информации, хранящейся в памятниках для гуманитарных и естественно-технических наук, культуры и просвещения.
7. Значение памятников для исторических и мировоззренческих наук.
8. Роль памятников в нравственном и эстетическом воспитании.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Перечень основной литературы

- 1 Богданов, С.В. Военно–историческая реконструкция и сохранение культурного наследия России [Текст] / С. В. Богданов // Вопросы культурологии, 2014. – № 3. – С.28–31.
- 2 Боголюбова, Н.М. Охрана культурного наследия: [международный и российский опыт] [Текст] / Н. М. Боголюбова, Ю. В. Николаева // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, 2014. – № 4(21). – С.6–13.
- 3 Боярский, П.В. Введение в памятниковедение. [Текст]. – М.: Издательство «Директмедиа Пабблишинг», 1990. – 249 с.
- 4 Ватаман, В.П. Мемориальный музей в культурном пространстве региона [Текст] / В.П. Ватаман // Современные проблемы сервиса и туризма, 2014. – № 4. – С.68–74.
- 5 Житенёв, С.Ю. Управление объектами культурного наследия: научные, методологические и практические аспекты [Текст] / С.Ю. Житенёв // Вопросы культурологии, 2015. – № 7. – С.18–28.
- 6 Иванов, В.В., Топоров, В.Н. Перун. Изменчивые контуры наследия [Текст] / В.В. Иванов, В.Н. Топоров. – М.: Эллис Лак, 1995. – С. 305–306.
- 7 Охрана памятников истории и культуры в России. XVIII–XX в. [Текст]. – М.: Издательство «Директмедиа Пабблишинг», 1978. – 39 с.

- 8 Полякова, М.А. Охрана культурного наследия России [Текст]. – М.: Издательство «Директмедиа Паблишинг», 2005. – 271 с.
- 9 Памятниковедение. Теория, методология, практика [Текст]. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. – 66 с.

Перечень дополнительной литературы

- 1 Йейтс, Ф. Искусство памяти [Текст] / Ф. Йейтс. – СПб.: Фонд поддержки науки и образования «Университетская книга», 1997. – 480с.
- 2 Капустин, М.П. История мировой культуры. Древность [Текст] / М.П. Капустин. – М., 2000. – 200 с.
- 3 Карсаевская, Т.В. Три типа межпоколенных отношений-три образа мира // преемственность поколений: диалог культур. [Текст] Вып. 2 – СПб., 1996. – С. 165–167
- 4 Козлова, И.В. Российский каталог нематериального культурного наследия [Текст] / И.В. 5 Козлова // Дом культуры, 2010. – № 12. – С.26–28.
- 6 Князева, Е.Н. Культурное мировидение [Текст] / Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов. – М.: Ком Книга, 2005. – 240 с.
- 7 Кринко, Е.Ф. Памятник на площади: жизнь в тени праздника [Текст] / Е.Ф. Кринко, Т.П.
- 8 Миронова, Т.Н. Наследие как социокультурный феномен [Текст] / Т.Н. Миронова // Вопросы культурологии, 2013. –№ 12. – С.94–98.
9. Охрана и использование памятников истории и культуры Алтайского края [Текст]. – Барнаул. – Вып.1-16.
- 10 Хлынина // Современные проблемы сервиса и туризма, 2014. – № 3. – С.27–35.